

05,4

Театръ Искусство

IX годъ изданія
1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Чего ждать отъ театрального законодательства?—Дѣла цензурныя. — Присоединенія. — Хроника театра и искусства. — Письма въ редакцію. — Къ вопросу о союзѣ. *С. Святлова*. — Шиллеровскіе дни (Жизнь Фр. Шиллера). *О. В. А.* — Маленькій фельетонъ. (Въ пути съ Мазини). *Театральнаго старожила*. — Театральныя замѣтки. *А. Буреля*. — Она на сценѣ. *О. Дымова*. — Провинціальная лѣтопись. — Справочный отдѣлъ. — Объявленія.

Рисунки: Шиллеровскіе дни (9 р.), Московскій Художественный театръ, (2 р.), „Мнимый больной“.

Портреты: г. Ермакова и г-жи Паскаловой.

№ 17.

Воскресенье, 24 Апрелья.

18.

Съ 14 № приостановлена

высылка журнала гг. подписчикамъ, не сдѣлавшимъ къ 1-му апрѣля второго взноса.

При высылкѣ взноса, равно какъ и при заявленіяхъ о перемѣнѣ адреса, необходимо указывать № бандероли, подъ которымъ получается журналъ.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА: иногородн. на иногор. и городск. на городск.— 25 коп., городск. на иногор. и обратно—60 коп.

АДРЕСНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Съ перваго Января 1905 г., для облегченія сношеній, разсѣянныхъ по всей Россіи, сценическихъ дѣятелей, редакция журнала „Театръ и Искусство“ вводитъ адресный листокъ для своихъ подписчиковъ, за вполнѣ доступную цѣну (1 руб. за адресъ въ теченіе всего года, т. е. въ 52 №№).

Адресъ можетъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, амплуа, мѣстожителство, со всѣми въ теченіе года перемѣнами адреса.

Сценическіе дѣятели, не состоящіе подписчиками журнала и желающіе пользоваться адреснымъ листкомъ, платятъ за годовой адресъ—3 рубля.

Продолжается подписка на 1905 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(IX-й годъ изданія).

52 №№ журнала 24 книги „БИБЛИОТЕКИ“. Въ библиотекѣ будутъ помѣщены около 30 новыхъ репертуарныхъ пьесъ романы, повѣсти, статьи научно-популярнаго содержанія. 2—3 выпуска „словаря сценическихъ дѣятелей“. Нотныя приложенія.

7 руб. — годъ, 4 руб. — полгода.

Разсрочка допускается на слѣдующихъ основаніяхъ: 3 руб. при подпискѣ и по 2 руб. къ 1 апрѣля и 1 июня.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Спб. Мохвая, 45. Телеф. № 1669. Отдѣленія: въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской, въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго—въ пассажѣ.

Отдѣльные №№ продаются по 20 к.
Объявленія—40 к. со строки петита позади текста и 50 к. спереди.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА „Театра и Искусства“: въ **С.-Петербургѣ**—въ кіоскахъ Пташнікова, въ кн. маг. „Новаго Времени“, „Музыкальный Миръ“ (Морская, 19). Риккеръ (Невскій, 14), Віоле (М. Коношенина, 16-26), Мелье (Невскій, 20), въ театральн. библиотекѣ Н. С. Волкова-Семенова, въ Пассажѣ, въ канцеляріи Театральн. Общества и др.; въ **Москвѣ**—

въ кіоскахъ г. Анисимова, Просина, въ конторѣ Н. Печковской, въ бюро театр. Общ. и др.; въ **Кіевѣ**—въ кіоскѣ „Юго-Западная Недѣля“ (уг. Крещатика и Прорѣзной) и въ конторѣ „Прима“ (Нестеровская ул., 29); въ **Одессѣ**—въ кн. маг. С. В. Можаровскаго (Пассажъ), въ кіоскахъ Е. Е. Свистуновой и въ кн.-газ. торговлѣ Э. Альтшулера (уг. Дерibasовск. и Рижельевск. ул.); въ **Харьковѣ**—въ магазинахъ „Трудъ и Забава“ (Сумская, около драмат. театра) и Дредера (Московск. ул.); въ **Кишиневѣ**—у Д. І. Криммера (Пушкарская д. Шварцмана) и на **всѣхъ станціяхъ жел. дор.**

Правила редакціи: рукописи, доставленныя безъ означенія гонорара, считаются безплатными. Мелкія рукописи не сохраняются.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ

„ПАССАЖИРЪ“,

пьеса въ 1 д. Рафаила Адельгейма.

Обращаться въ контору редакціи „Театръ и Искусство“. Ц. 60 к.

ТЕАТРЪ

съ пасхи свободенъ, отдается на выгодныхъ условіяхъ; объ условіяхъ справитесь: г. Ставрополь Губ. театр Андрееву или Иванова. 3—3

Театры Спб. Городского Попеч. о народн. трезвости.

Театръ Народнаго дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Въ Воскресенье, 24-го Апрѣля, днемъ: „ИВАНЪ-РАЗБОЙНИКЪ“ (Грѣхамъ не съѣсть, пока совѣсть есть); вѣч.: „РУССКАЯ СВАДЬБА ВЪ ИСХОДѢ ХУІ ВѢКА“.—25-го: „ДЕМОНЪ“.—26-го: „ВІЙ“.—27-го, въ послѣдній разъ: „СЕВАСТОПОЛЬ“ (Мать сыра-земля).—28-го: „ФАУСТЪ“.—29-го, въ послѣдній разъ: „ВІЙ“.—29-го, послѣдній спектакль новаго товарищества оперныхъ артистовъ: „ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ“.

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ (бывш. Стекл. зав.).

Въ Воскресенье, 24-го Апрѣля: „ВЪ НОВОИ СЕМЬИ“.—28-го, Закрытіе зимняго сезона: „ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНИЕ“.

Зав. театр. частью А. Я. Алексѣевъ.

С.-Петербургъ, 24 апрѣля.

Ваше сообщеніе о томъ, что вопросъ о драматической цензурѣ изъять изъ вѣдѣнія комисіи Д. О. Кобеко и передается въ комисію для пересмотра театральнаго законодательства, учрежденную по инициативѣ Театральнаго Общества, вызвало на страницахъ „Руси“ не лишнее остроуміе замѣчаніе, что это все равно, какъ если бы по вопросу о свободѣ личности дожидаться пересмотра правилъ о тюремныхъ зданіяхъ. Дѣло идетъ объ основномъ правѣ правового государства — свободѣ устнаго слова, и причѣмъ тутъ специальное театральное законодательство?

Но мы идемъ дальше „Руси“ въ этомъ отношеніи. Мы полагаемъ, что, вообще, въ настоящее время, когда опредѣлились совершенно ясно безсиліе бюрократическаго строя и невозможность согласованія „разумной свободы“ съ усмотрѣніемъ—„специальное театральное законодательство“ должно быть признано бесполезнымъ, и работа надъ выработкою его бесплодна. На чемъ въ самомъ дѣлѣ можетъ покоиться „театральное законодательство“? Если на свободѣ слова и собраній, то нужно подождать провозглашенія этихъ принциповъ общественной свободы. Если же „театральное законодательство“ будетъ покоиться на не свободѣ и полусвободѣ, тогда оно только вредно. Если „театральное законодательство“ имѣетъ въ виду поставить театръ на твердыя основанія законности, избавивъ его отъ произвола полиціи и администраціи, то слѣдуетъ подождать съ этимъ законодательствомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ создана отвѣтственность администраціи за ея дѣйствія и возможность судебного преслѣдованія должностныхъ лицъ, независимо отъ разрѣшенія ихъ начальства, какъ въ настоящее время, что фактически почти равняется отсутствію судебной отвѣтственности. Если же „театральное законодательство“ не имѣетъ въ виду отвѣтственности должностныхъ лицъ и полиціи за ихъ дѣйствія, въ нарушение закона, то къ чему оно? Къ чему законы писать, когда ихъ не исполняютъ? Къ чему сводятся, напримѣръ, правила драматической цензуры, когда полиція снимаетъ пьесу?

Внѣ гарантіи обще-гражданской свободы, театръ не можетъ надѣяться на законный порядокъ существованія, — слѣдовательно, театральное законодательство можетъ быть либо бесплодною, платоническою мечтою, либо новымъ сводомъ стѣснительныхъ регламентовъ, какъ объ этомъ можно думать по предположеніямъ, возникшимъ, какъ слышно, въ комисіи объ установленіи концессій на театральныя предпріятія. Говорятъ, что въ Пруссіи на право содержанія театра надо получить свидѣтельство. Не знаемъ, какъ тамъ въ Пруссіи, но полагаемъ, что у насъ это значило бы обивать пороги канцеляріи Т. О., крестясь на его „авторитетное положеніе“, какъ на икону. Худшаго горя, болѣе постыднаго рабства нельзя себѣ вообразить для русскаго театра. Мы понимаемъ, что такія мысли могли родиться въ головахъ годъ назадъ, когда чиновничья мысль только и работала въ одномъ направленіи: какъ бы еще больше подтянуть и стѣснить, и такіе развести порядки, чтобы уже ни одной свободной пяди земли не было, безъ какой-нибудь разрѣшительной бумажки. Но теперь? Кн. Цертелевъ, членъ комисіи Д. О. Кобеко, остался чуть-ли не въ единственномъ числѣ со своимъ проектомъ при-

равненія права на изданіе газетъ къ праву на приходъ или каеэдру. Что же антрепренеръ тоже долженъ получить право на приходъ? И въ канцеляріи Театральнаго Общества будетъ происходить это рукоположеніе „въ антрепренеры“?

Всѣ эти соображенія убѣждаютъ насъ, что ожидать въ настоящее время серьезныхъ результатовъ отъ работъ комисіи никакъ нельзя. Правовое и экономическое обезпеченіе театра находится въ полной зависимости отъ хода освободительнаго движенія въ Россіи. Только по утвержденіи гарантіи политической и общественной свободы, комисія эта, вполне усвоивъ новыя начала правового государства, можетъ составить достойный проектъ театральнаго законодательства. Будучи комисіею по частному дѣлу, она вынуждена ожидать общихъ указаній, и потому выдѣленіе вопроса о драматической цензурѣ въ ея вѣдѣніе не можетъ дать цѣнныхъ результатовъ. Если разрѣшеніе ею вопроса о драматической цензурѣ будетъ благоприятно свободѣ, между тѣмъ какъ свободы слова не будетъ, то она практически не осуществится. А если рѣшеніе будетъ склоняться въ сторону стѣсненій, то при существованіи свободы слова, это рѣшеніе не получитъ силы закона.

По всѣмъ этимъ совокупнымъ основаніямъ, мы полагаемъ, что вопросъ о драматической цензурѣ подлежитъ разсмотрѣнію, въ качествѣ общаго принципиальнаго вопроса, касающагося одного изъ священныхъ благъ гражданина—свободы его устнаго слова, независимо отъ того, гдѣ, какъ и къ кому оно произносится.

Статья С. А. Свѣтлова о Союзѣ сценическихъ дѣятелей представляетъ личное мнѣніе почтеннаго артиста объ этомъ учрежденіи. Нѣкоторыя изъ положеній автора не отличаются безспорностью на взглядъ редакціи, и отнюдь не предрѣшены въ работахъ комисіи. По сравненію съ проектомъ Союза, выработаннымъ на сѣздѣ, взглядъ С. А. Свѣтлова представляетъ одну существенную особенность: въ то время, какъ проектъ зоветъ всѣхъ, С. А. Свѣтловъ зоветъ лишь избранныхъ. Вопросъ этотъ столь сложенъ и важенъ и отъ разрѣшенія его столь многое зависитъ въ организациіи Союза, что мы настойчиво приглашаемъ сценическихъ дѣятелей высказаться. вмѣстѣ съ тѣмъ обращаемся къ московской комисіи съ просьбою подать о себѣ вѣсточку и познакомить насъ съ направлениемъ ея работъ.

Въ газетѣ „Русь“ напечатано слѣд. письмо автора „Ивана Мироныча“, Е. Чирикова:

„Мнѣ документально извѣстно, что „Русское Театральное Общество“, канцелярія коего находится въ Петербургѣ, позволяетъ себѣ разсылать и продавать рукописныя копіи съ моей пьесы „Иванъ Миронычъ“, взимая за каждый переписанный экземпляръ по 6 рублей. Я крайне изумленъ и возмущенъ подобнымъ отношеніемъ названнаго Общества къ чужой собственности, такъ какъ никому никакихъ разрѣшеній на распространеніе моей пьесы въ рукописномъ видѣ я не давалъ и давать не могъ, имѣя въ виду выпустить отдѣльное, печатное, изданіе, предназначенное специально къ постановкѣ на сценахъ. Усматривая въ поступкѣ „Русскаго Театральнаго Общества“ прямое нарушеніе моихъ авторскихъ и имущественныхъ правъ, я предлагаю „Русскому Театальному Обществу“ отвѣтить на слѣдующіе два вопроса: а) по какому праву канцелярія означеннаго Общества позволяетъ себѣ продажу моей пьесы „Иванъ Миронычъ“, и б) откуда, кто и

когда могъ дать „Русскому театральному Обществу“ копию съ цензурированнаго драматическаго цензурою оригинала, который хранится въ библиотекѣ главнаго управленія по дѣламъ печати“.

Въ журналѣ „Юристъ“, Н. Е. Эфросъ, говоря о цензурѣ, касается, въ частности, драматической, и приводитъ весьма краснорѣчивый рядъ фактовъ.

Знаетъ ли читатель, что, напримѣръ, до сихъ поръ и театры „для интеллигенци“ вынуждены выпускать изъ „Власти тьмы“ Толстого весь разговоръ о банкахъ? Драматическая цензура признала его соблазнительнымъ. Пахнетъ видете-ли Прудономъ... До сихъ поръ, кажется, стонетъ подъ запретомъ для театровъ „Заговоръ Фіеско“ Шиллера, хотя на-дѣлѣ мы уже справили столѣтіе кончины его автора. А „Вильгельма Телля“, писаннаго уже веймаризированнымъ Шиллеромъ, отрекшимся отъ политическихъ грезъ смѣлой юности,—чуть не на этихъ дняхъ разрѣшили играть въ Кіевѣ подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы драма эта давалась не чаще двухъ разъ въ недѣлю. Почему безвредное два раза въ недѣлю вредно четыре раза,—это загадка нашей бюрократіи и родной ея дочери—цензуры.

Года два назадъ московскій Малый театръ совсѣмъ было собрался сыграть историческую пьесу Писемскаго „Поручикъ Гладковъ“. Оказалось,—строжайше воспрещенной къ представленію. А пьеса, хоть и изображаетъ попытку дворцоваго переворота, невинна, какъ поцѣлуй младенца. Такъ и не удалось, несмотря на всѣ хлопоты, ввести эту драму въ репертуаръ. Всѣ знаютъ, конечно, какіе курьезы продѣлывала перепуганная цензура съ операми, перекрещивая „Вильгельма Телля“ въ „Карла Смѣлаго“, „Пророка“—въ „Іоанна Лейденскаго“ и, подмѣняя въ „Черевичкахъ“ и „Ночи подъ Рождество“ императрицу—свѣтлѣйшимъ княземъ, или превращая новгородское вѣче въ нелегальную „сходку“. И до сихъ поръ щеголяетъ Вильгельмъ Телль по нашимъ опернымъ сценамъ подъ маскою Карла Смѣлаго, хотя такъ авторитетно осуждены „излишніи стѣсненія“.

Театръ вообще особенно заботливо опекается цензурою, такъ какъ издавна, съ Павловскихъ временъ, почитается особенно опаснымъ и зловреднымъ. „На зрѣлище народъ собирается такъ сказать, *кличью*“,—писалъ московскій главнокомандующій временъ Александра Благословеннаго, Беклешовъ, объясняя, почему онъ снялъ со сцены „Капитана Хантिला“, выкроеннаго Сандуковымъ изъ „Жильблaza“ Лессажа. Главнокомандующій, радѣя о благѣ отчины, угрожаемомъ вольнодумными пьесами, прибавляетъ: „Мню я, что не нужно ли цензурѣ дать на замѣчаніе, чтобы по одобреніи печатать пьесы для прочтенія и для представленія театральнаго дѣлата различныя уваженія“. И этотъ взглядъ сохранился въ полной мѣрѣ до сихъ поръ. Когда-то, очень давно, былъ снятъ со сцены гетевскій „Эгмонтъ“, потому что „вмѣсто того, чтобы внушить зрителямъ виновинное правительству, онъ можетъ возбудить въ нихъ совсѣмъ противныя чувства“. И совершенно по тѣмъ же соображеніямъ былъ снятъ чуть не полвѣка спустя, въ срединѣ семидесятыхъ годовъ, со сцены московскаго Малаго театра „Овечій источникъ“ такого крамольнаго драматурга, какъ Лопе де-Вега. Насколько знаю, пьеса и по сей день осталась подъ запретомъ.

Цензура—цензура; но и всякая иная администрація всегда готова наложить на нашу сцену свою попечительную длань. „Ганнеле“ Гауптмана была вычеркнута изъ репертуара Художественнаго театра по желанію московскаго митрополита, не удовольствовавшагося тѣмъ, что и въ печатномъ переводѣ Спаситель былъ превращенъ въ странника. „Красная Мантия“ Брїзъ была долгое время запрещена по настоянію министерства юстиціи, очевидно боявшагося, что зрительное зало проведетъ аналогію между французской „красной мантией“ и отечественною прокуратурою; „Ивана Мироныча“, какъ я слышалъ, чуть ли не прежде министерства внутреннихъ дѣлъ цензурировало министерство народнаго просвѣщенія. А гдѣ-то на этихъ дняхъ просвѣщенный мѣстный полицеймейстеръ отказался разрѣшить спектакль „Горе отъ ума“. И не попала въ истекшемъ сезонѣ на сцену Александринскаго театра уже разуценная актерами трагедія античнаго трагика, по соображеніямъ какой-то еще новой цензуры, убоявшейся соблазнительныхъ параллелей.

Присоединенія.

На адресу Н. А. Римскаго-Корсакова: А. П. Скарятинъ, А. Костаньянъ, В. Остапенко, С. Арцыбашева, П. Алякринскій, Ант. Пеняевъ. На заявленію петербургскимъ товарищамъ въ № 14: О. Аренкова.

ХРОНИКА ТЕАТРА И ИСКУССТВА.

Слухи и вѣсти.

— Товарищъ предсѣдателя комитета попечительства о народной трезвости В. П. Погожевъ произведенъ за отличіе изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ тайные совѣтники.

— За отличіе изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ въ тайные совѣтники производится чиновникъ особыхъ порученій IV класса, министерства финансовъ, П. Черемсиновъ, предсѣдатель дирекціи петербургскаго отдѣленія Русскаго Музыкальнаго Общества.

— Государь Императоръ 17-го сего апрѣля Всемиловѣйше соизволилъ пожаловать ордена: Св. равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени: режиссеру оперной труппы Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ Александру Морозову и машинисту-механику Императорскаго московскаго Большаго театра потомственному почетному гражданину Карлу Вальцу.

Св. Анны второй степени—артисту придворнаго оркестра Войтъху Главачу и третьей степени: солисту Его Императорскаго Величества, артисту Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ Феликсу Кшесинскому 1 и машинисту-механику Императорскаго Михайловскаго театра Александру Ашиткову.

Св. Станислава второй степени: артисту оперной труппы Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ Леониду Яковлеву и артисту драматической труппы Императорскихъ московскихъ театровъ Александру Федотову и третьей степени: танцовщику Императорскихъ московскихъ театровъ, заслуженному артисту Императорскихъ театровъ Василию Гельцеру.

— Артуру Никишу Высочайше пожалованъ орденъ Св. Анны 2 степени.

— Театръ въ консерваторіи на будущій зимній сезонъ вновь сданъ дирекціей русскаго музыкальнаго общества князю Церетелли, который попрежнему собирается держать въ немъ русскую оперу.

— 23 апрѣля официально исполнился 30-лѣтній юбилей М. М. Петипа.

— Труппа Е. А. Бѣляева, во главѣ съ А. А. Яблочкиной, В. П. Далматовымъ и С. И. Яковлевымъ, закончившая первую половину поѣздки, сдѣлала за постъ около 21,000 валовою сбора. Въ маѣ поѣздка въ томъ же составѣ возобновляется по слѣдующимъ городамъ: Калуга, Тула, Орель, Курскъ, Харьковъ, Полтава, Кременчугъ, Екатеринославъ, Елисаветградъ, Николаевъ, Херсонъ, Одесса, Кишиневъ, Александровскъ, Мариуполь, Бердянскъ.

— Изъ окончившихъ въ этомъ году Императорскіе драматическіе курсы по классу В. Н. Давыдова четверо приняты на Императорскую сцену, а именно: г-жи Глѣбова, Прохорова, г-да Вертышевъ и Шарапъ. Ученикъ Феона поступилъ въ Драматическій театръ г-жи Коммисаржевской; г-жа Федорова и г. Анненскій приняты въ составъ труппы Малаго театра. Г. Кобецкій получилъ дебютъ въ Моск. Художеств. театрѣ.

— Въ труппу Литерат.-Худож. общества приглашены: г-жа Мартынова, гг. Сѣверскій, Блюменталь-Тамаринъ и Чубинскій.

— 26 апрѣля состоится жюри по присужденію преміи за пьесы, присланныя на объявленннй Союзомъ драматическихъ писателей и музыкальныхъ дѣятелей конкурсъ имени Островскаго. Всего на конкурсъ поступило 90 пьесъ. По слухамъ, ни одна не признана достойной преміи и лишь нѣсколько найдены достойными постановки на сценѣ.

— Л. Мунштейнъ (Lolo) перевелъ комедію въ стихахъ „Талисманъ“ Л. Фульда. Сюжетъ „Талисмана“ взятъ изъ популярной сказки Андерсена „Платье короля“.

— По слухамъ, директоромъ консерваторіи назначается г. Ауэръ.

— 28-го апрѣля въ „Новомъ театрѣ“ въ пьесѣ „Звѣзда“, въ заглавной роли выступить извѣстная провинціальная артистка В. Н. Ильнарская.

— Мы слышали, что П. Д. Ленскимъ организуется поѣздка по провинціи съ участіемъ первыхъ силъ Александринскаго театра. Если мысль эта осуществится, то нельзя не привѣтствовать гастролей ансамбля Императорскихъ театровъ. Это первый случай. Прежде труппы составлялись изъ двухъ—трехъ премьеровъ, а остальное—съ бору да съ сосенки...

— По заведенному обычаю, лѣтній сезонъ открылъ 23 апрѣля театръ „Буффъ“ г. Тумпакова.—Сезонъ въ театрѣ Неметти (на Петербургской сторонѣ) открывается 6 мая новой опереткой „Ласточки“. Сообщаемъ полный составъ труппы: г-жи Р. Нордштремъ, Смолина, Калпанъ, Жулинская, Щетинина, Долина; гг. Грѣховъ (режиссеръ), Кубанскій, Звягинцевъ, Чугаевъ, Борченко, Амраго, Токарскій, Поповъ, Малининъ и др. Состоятся гастроли польской актрисы г-жи Ласка, Дирижеръ г. Колоденко.

— Товарищество драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ г. Ратова, давшее на Пасхальной недѣлѣ нѣсколько спектаклей въ театрѣ Неметти, лѣтомъ предполагаетъ ставить по праздникамъ спектакли въ Лѣсномъ.

— Садъ на Офицерской улицѣ, арендованный г. Тупаковымъ на шесть лѣтъ, будетъ отнынѣ именоваться театромъ и садомъ „Фарсъ“. Репертуаръ исключительно фарсы и легкія комедіи. Составъ труппы: г-жи Н. Ф. Легаръ-Лейнгардтъ, О. П. Зарайская, Д. М. Вадимова, Ю. Ю. Славская, Е. И. Варламова, М. А. Сурская, А. Ф. Ручьевская, Е. А. Любавская, Д. А. Разсказова, г. А. М. Шмидгофъ, В. Ю. Вадимовъ, М. И. Разсуловъ, В. М. Петипа, Д. Б. Колобовъ, А. Д. Амалинъ, С. И. Клеманскій, А. И. Гурскій, Козыревъ, Николаевъ, Мордвиновъ и др. Режиссеръ В. Ю. Вадимовъ. Администраторъ Л. А. Пальмскій.

— Въ „Акваріумъ“ предполагается опера г. Максакова. Вопросъ еще не выясненъ.

— Въ „Альгамбръ“ лѣтній сезонъ открывается 28 апрѣля.

* * *

Московскія вѣсти.

— Въ составъ товарищества Солодовниковскаго театра на будущій зимній сезонъ вошли: драм. сопр. г-жи Брунъ и Веселовская, колоратурн. сопр. г-жи Бронская и Каратаева, меццо-сопр. и контральто г-жи Томская, Мельгунова, Маклецкая, Рознатовская и Тамаркина; тенора: г. Севастьяновъ, Секарь-Рожанскій, Хлюстинъ, Волгинъ и Милутинъ, баритоны: Каміонскій, Максаковъ и ведутся переговоры съ г. Шевелевымъ; басы: Трубинъ, Горяиновъ, Лосскій, Толкачевъ и Улухановъ; дирижеры: Пагани и Барбини, режиссеръ г. Гецевичъ.

— По слухамъ, въ Москвѣ возникаетъ новый театръ, организуемый г. Мейерхольдомъ. Это будетъ отдѣленіе Художественнаго театра, но репертуаръ будетъ нѣсколько иной. Артисты— всѣ изъ бывшихъ силъ Художественнаго театра.

— Въ фойѣ Большаго театра, подъ предсѣдательствомъ Д. В. Гарина, состоялось годовое собраніе членовъ общества для призрѣнія престарѣлыхъ и лишенныхъ способности къ труду артистовъ и ихъ семействъ.

Изъ доложеннаго отчета за прошлый годъ видно, что всѣхъ поступленій за годъ было 24,838 руб., израсходовано около 12 тыс. руб.: капиталъ общества достигъ свыше 107 тыс. руб., въ томъ числѣ 7,500 руб. на стипендію имени М. Н. Ермоловой.

Собраніе единогласно выбрало почетными членами М. Н. Ермолову, бывшаго предсѣдателя общества О. А. Правдина и С. В. Носова.

По поводу отказа отъ предсѣдательства П. М. Пчельникова было прочитано пространное его заявленіе, изъ котораго видно, что онъ считаетъ настоящихъ дѣятелей общества недостаточно энергичными для проведенія въ жизнь всѣхъ начинаній, и потому самъ отказывается работать.

Избранъ г. Правдинъ, произнесшій по этому поводу цѣлую рѣчь, въ которой онъ обѣщавъ работать для общества, насколько ему позволятъ силы.

— Подъ предсѣдательствомъ И. В. Шпажинскаго, состоялось при закрытыхъ дверяхъ годовое собраніе членовъ общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ. Присутствовало 17 членовъ, располагавшихъ 42 голосами. Съ отчетомъ мы познакомили уже нашихъ читателей въ прошлыхъ №№.

Выборы дали слѣдующіе результаты: выбывающіе по очереди члены комитета И. И. Барышовъ (Мясницкій) и В. А. Крыловъ избраны вновь; въ члены ревизионной коммисіи избраны: г. Н. И. Тимковскій, Н. И. Музиль, М. П. Садовскій и Е. П. Карповъ.

Въ суды по присужденію грибоѣдовской преміи избраны: профессоръ Л. М. Лопатинъ, Л. А. Комаровскій и Ф. Е. Коршъ.

— Нынѣшнимъ лѣтомъ опять воскресаетъ театръ „Антэй“ въ Екатерининскомъ паркѣ. Здѣсь будутъ оперные спектакли.

— Г. А. Баклановъ (баритонъ) принять въ труппу Большаго театра.

— На-дняхъ приступлено къ работамъ для сооруженія на кладбищѣ Введенскихъ горъ памятника антрепренеру Георгу Парадизу. На этотъ памятникъ годъ тому назадъ была открыта подписка. Сооруженіемъ памятника завѣдуетъ бывшая артистка нѣмецкой труппы г-жа Рихтеръ.

— На представленіи „Заза“ въ театрѣ „Акваріумъ“ 18 апрѣля съ артисткой В. Н. Петровой случилось несчастье: оступившись, она повредила себѣ ногу и настолько серьезно, что пришлось прибѣгнуть къ помощи врача. Былъ спущенъ занавѣсъ. Врачи констатировали вывихъ ноги, въ силу чего участвовать въ спектаклѣ г-жѣ Петровой уже было невозможно. Нѣкоторое время длилась пауза: объявили, что спектакль прекращенъ и желающимъ возвращаютъ деньги.

* * *

Намъ пишутъ изъ **Москвы**: При московскихъ мастерскихъ Московско-Казанской желѣзной дороги въ теченіи нынѣшняго зимняго сезона устраивались по примѣру прошлыхъ лѣтъ Кружкомъ любителей постоянные спектакли, всегда привлекавшіе полную аудиторію публики. Во главѣ дѣла стоятъ помощникъ начальника сл.-тяги дороги С. Н. Игнатовъ и режиссеръ Кружка Л. Г. Стружкинъ (Урусовъ), много трудящійся, чтобы добиться ансамбля въ исполненіи. Исполнители серьезно относятся къ дѣлу. Нѣкоторые изъ нихъ составили себѣ из-

вѣстность и пользуются успѣхомъ у мѣстныхъ аборигеновъ, таковы; г. А. М. Уткинъ, талантливый комикъ, А. И. Волковъ, простакъ, и др.

Съ большимъ успѣхомъ прошли: по 6 разъ—„Доходное мѣсто“ и „Ямщики“, по 4 раза—„Въ винѣ сатана“— пьеса франц. драматурга М. Поттеше, переведенная режиссеромъ Кружка, „Мнимый больной“, „По ревизіи“ и „Бѣдовая бабушка“, по 3 раза—„Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, „Правда хорошо, а счастье лучше“ и „Отбитая атака“ и по 1 разу—„Тяжелые дни“, „Въ чужомъ пиру похмѣлье“ и „Женихъ изъ долгового отдѣленія“.

Среди исполнителей выдѣляются: Л. Г. Стружкинъ, А. М. Уткинъ, В. А. Фроловъ I, А. I. Волковъ, Ф. Ф. Федоровъ, В. А. Волжскій, Н. А. Спашковъ, С. Э. Лебедева, А. А. Данилова, Е. П. Матвѣева, Н. А. Павлова. Нельзя обойти молчаніемъ также незамѣтныхъ труженниковъ сцены: помощника режиссера Н. А. Фролова II и талантливаго декоратора изъ рабочихъ мастерскихъ В. Обливанцева. На Пасхѣ шла пьеса

А. С. Ермаковъ (баритонъ).
(Къ дебюту въ Маріинскомъ театрѣ).

режиссера: „Съ плахи подъ вѣнцомъ“—(Крестьянка), шедшая нынѣшней зимой въ Спб. на сценѣ Народнаго Дома. 28 декабря текущаго года исполняется десятилѣтіе со дня открытія спектаклей и, надо надѣяться, что это не пройдетъ незамѣченныи со стороны администраціи дороги.

Пожелаемъ дальнѣйшаго развитія этого симпатичнаго дѣла.
Жельнзодорожника.

* * *

Намъ пишутъ изъ **Москвы**. В. Ф. Коммисаржевская открыла свои гастролы „Норой“, которую она уже играла въ Москвѣ въ прошломъ году. Раздался знакомый, нервный голосъ прекрасной артистки, и вниманіе залы было приковано къ создаваемому ею образу,—вотъ, Нора,—милой полуробеночкѣ съ школьническими выходками, полный женственной прелести; вотъ, Нора, въ ужасѣ передъ надвинувшейся на нее бѣдой, переживаетъ глубоко въ душѣ свою тайну и борется всѣми силами полудѣтской души за гибнущее счастье; а вотъ, прозрѣвшая, наконецъ, и выросшая духовно Нора, произноситъ суровый приговоръ себѣ и своему ничтожному мужу. Это одна изъ ея лучшихъ ролей. Перефразируя слова одного изъ персонажей Островскаго, можно сказать, что—велико наслажденіе видѣть Коммисаржевскую на сценѣ, а еще большее слышать ее. Хорошее впечатлѣніе произвелъ Бравичъ въ роли д-ра Ранка. Слаба Лаппо-Данилевская—фру Линде, Милыми артистами оказались дѣти Александровскіе.—18-го апрѣля началъ лѣтній сезонъ въ Эрмитажѣ фарсъ Сабурова, для открытія были поставлены: „Столичный воздухъ“ и „Ножъ моей жены“; на 21 апрѣля назначено уже открытіе сада. Въ труппѣ Сабурова произошли большія переменны: ушедшую Легаръ-Лейнгардтъ замѣнила вновь приглашенная Воронцова-Ленни, кромѣ того приглашены Сашинъ, Чинаровъ, Бураковскій и извѣстный въ провинціи артистъ Борисовскій. Спектакль 18-го апрѣля прошелъ весело съ блестящимъ ансамблемъ, который поддерживали Васильчикова, Воронцова-Ленни, Сашинъ, Чинаровъ, Пальмъ. Борисовскій въ роли доктора Бѣлопольскаго показалъ себя хорошимъ комикомъ и обнаружилъ въ драматическихъ мѣстахъ много задушевной теплоты; это серьезное приобрѣтеніе для труппы Сабурова.

Для репертуара слѣдующаго сезона въ Маломъ театрѣ намѣчены между прочимъ: „Буря“ Шекспира, „Борьба за пре-

столь" и „Привидѣнія“ Ибсена, „Авдотына жизнь“ съ Лешковской въ главной роли; въ Худ. театрѣ—хроника Шекспира „Ричардъ II“, „Горе отъ ума“, „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, возобновляется „Чайка“ съ новыми исполнителями; въ филіальномъ отдѣленіи Худ. т. намѣчены: „Брандъ“ Ибсена, „Ганнелъ“ Гауптмана и драматическая поэма Полевого „Русское Богатство“—облеченный въ драматическую форму русской былинный эпосъ.

* * *

Бел.-Ами.

19-го апрѣля бывшіе ученики школы Поллакъ, устроили въ желѣзнодорожномъ клубѣ подѣ режиссерствомъ г-на Юрьева, который будетъ руководить ихъ дальнѣйшими занятіями, экзаменаціонный спектакль.

Дано было 3-е дѣйствіе „Цѣны жизни“ и первые три акта „Горькой Судьбины“. Экзаменовались, т. е., кончали курсъ, только двое: г-жа Любимова (Лизавета) и г. Шокинъ (Дядя Никонъ). Оба вполне владѣли своими средствами; и въ этомъ смыслѣ испытаніе можно считать удачнымъ. Но яркаго дарованія (насколько можно судить по одному спектаклю, а су-

А. М. Пасхалова.

(Къ дебюту въ Маринскомъ театрѣ).

дить такимъ образомъ чрезвычайно рискованно) они не обнаружили. Изъ другихъ исполнителей производить хорошее впечатлѣніе г. Гиль, выразительно и съ большимъ толкомъ проведшій столь обширную для ученика роль Ананія Яковлева. Натуральный, живой тонъ у г-жи Соколовой (Баба Спиридовна) и какъ совсѣмъ законченная актриса сыграла Матрену г-жа Зотова.

* * *

Намъ пишутъ изъ Харькова.

Вторая половина поста прошла очень интересно, благодаря гастрольнымъ спектаклямъ г-жъ Яворской и Савиной. Репертуаръ привлекалъ своей новизной и отчасти—сладою запретнаго плода.. Г-жа Яворская поставила: „Сафо“ Додэ, „Дочь Іоріо“, „Перекаты“ (два раза) и „Пляску жизни“.—Послѣдняя сдѣлала наибольшую сумму сбора. М. Г. Савина сыграла „Зиму“, „Обыкновенную женщину“, „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ и „Крылья связаны“, шли также неизмѣнные: „Благодѣтельница“ и „Пациентка“. Очень понравились въ труппѣ г-жи Савиной молодыя артистки г-жа Жукова и Вадимова, гг. Вадимовъ, Климовъ и Анисимовъ. Наибольшее впечатлѣніе М. Г. произвела въ „Зимѣ“. На кругъ объ эти труппы сдѣлала чистыхъ, т. е. безъ вѣшалки и проч., свыше 900 рублей. Въ послѣдній спектакль труппа чувствовала Марію Гавриловну, поднесла ей двѣ роскошныя вазы изъ новаго серебра съ живыми цвѣтами, а г. Патровъ (помощникъ режиссера) получилъ отъ труппы цѣнный портсигаръ и таковой же отъ гастролерши. Въ теченіе второй половины поста въ Коммерческомъ Клубѣ начала было спектакли опереточная труппа, сформированная весьма недурно, но послѣ четырехъ спектаклей прекратила свою борьбу съ равнодушіемъ публики и возобновить такую съ Святой съ гастролеромъ г. Сѣверскимъ, а затѣмъ будто бы и съ г-жей Кавецкой, никогда здѣсь еще не бывшей. Въ Маломъ театрѣ успешно играетъ еврейская труппа Фишзона и дѣлаетъ отличные сборы; остается она до 1-го мая. На Пасху драматическій театръ *свободенъ*. Фактъ безпримѣрный!

Въ воскресенье, 10-го апрѣля, въ Харьковъ прибылъ для заключенія контракта съ городскимъ управленіемъ А. А. Линтваревъ. Первоначальный срокъ снятія театра—15-ое августа—будетъ измѣненъ согласно кондиціямъ, т. е. съ 1-го мая. Г. Линтваревъ сдаетъ вѣшалку отъ себя другому лицу; вѣроятно, арендаторомъ вѣшалки и буфета будетъ попрежнему г. Болдыревъ.

Серія симфоническихъ концертовъ, устроенная Великимъ постомъ, въ Дворянскомъ собраніи мѣстнымъ отдѣленіемъ Императорскаго Музыкальнаго Общества, прошли съ отличнымъ матеріальнымъ успѣхомъ, особенно послѣдніе три, въ которыхъ участвовали г-жа Тиманова, г. Фонъ-Гленъ и г. Игумновъ. Прекрасное исполненіе этихъ солистовъ и большой оркестръ подъ управленіемъ И. И. Слатина доставили постояннымъ посѣтителямъ симфоническихъ собраній огромное удовольствіе. И. И. Слатину, поднесены были въ послѣднемъ концертѣ два лавровыхъ вѣнка, Заслуги И. И. передъ нашей публикой и вообще въ дѣлѣ музыкальнаго развитія нашего края очень значительны и, конечно, посѣтители концертовъ музыкальнаго отдѣленія чувствуютъ въ немъ не только руководителя ихъ и дирижера, но выдающагося общественнаго дѣятеля. М—г.

* * *

Драматическій театр. Здѣсь поставленъ „Мнимый Больной“—комедія-балетъ Мольера. Это соединеніе звучитъ непривычно для нашего уха, но во времена Мольера оно не казалось столь страннымъ. Нашъ юморъ серьезенъ, нашъ смѣхъ робокъ, мы не привыкли или, вѣрнѣе, разучились смѣяться. „Наморщивъ лобъ и нахмуриши чело“ мы ждемъ, когда можно будетъ снисходительно улынуться и притомъ съ явнымъ намѣреніемъ подчеркнуть этой улыбкой несочувствіе тѣмъ „отсталымъ понятіямъ“, которыя осуждаетъ авторъ. „Мнимый больной“ былъ написанъ въ то время, когда эти понятія не разграничивались и процессии и пляски не являлись грубой вставкой, а были подготовлены какъ бы всѣмъ тономъ исполненія. Вотъ схватить этотъ-то тонъ и есть задача исполнителей и режиссера, который долженъ вдохнуть въ нихъ смѣлость старыхъ буффовъ. Это явилось бы прекрасной школой и для исполнителей. Совершенно правильно искони считается у насъ, что исполненіе Мольеровскихъ пьесъ—а изъ нашего репертура пьесъ Островскаго—служитъ лучшей школой для актера.

Оригинальное замѣчаніе роняетъ одинъ изъ извѣстныхъ знатоковъ театра Эд. Тьерри. Говоря о комедіяхъ Мольера, онъ выставляетъ положеніе, что „чѣмъ большее значеніе приобрѣтаетъ сценическая обстановка, тѣмъ болѣе утрачивается игра актеровъ“. Это какъ будто основная формула эволюціи сценическаго искусства. При исполненіи современныхъ пьесъ у зрителя получается впечатлѣніе и отъ шума отѣзжающаго экипажа, и отъ криковъ совы и т. д. Но откуда было ждать поддержки бѣднымъ исполнителямъ Мольеровской труппы, когда и сцена-то принадлежала имъ не вполне? Когда всѣ исполнители были расположены около ramпы въ видѣ кегельныхъ фигуръ, такъ какъ благородные зрители выражали непреклонное желаніе не только сидѣть на сценѣ, но и шмыгать туда и сюда, во время исполненія. Тѣмъ красивѣе была игра, тѣмъ ярче была мимика и тѣмъ смѣлѣе были приемы. Обращаясь къ постановкѣ „Мнимаго больного“ въ „Драмат. театрѣ“, замѣтимъ, что въ соревнованіе съ переводчикомъ, отбросившимъ балетъ пролога, были вычеркнуты и двѣ другихъ интермедіи, а сцена посвященія отрѣзана наполовину. Если и согласиться съ этими купюрами, то все-же сцену посвященія надо вести болѣе ярко, болѣе шаржированно. Этимъ заключительнымъ дивертиментомъ смягчаются слишкомъ суровыя нападки на медицину.

Во исполненіи, къ сожалѣнію, не было той заразительной веселости, которая примиряла бы съ рискованностью положенія. Изъ отдѣльныхъ исполнителей г. Амальинъ, въ заглавной роли, несмотря на кой-какіе недочеты, а главное, весьма небогатую мимику, былъ все-же недуренъ. До сихъ поръ намъ приходилось видѣть этого артиста лишь въ эпизодическихъ роляхъ, но, несомнѣнно, онъ достоинъ большаго. Среди остальныхъ исполнителей наиболѣе интереснымъ явился г. Березной. Онъ игралъ ярко, нѣкоторыя изъ положеній были разработаны имъ въ буффонномъ стилѣ Мольера. Упомянемъ еще г. Уралова въ роли аптекаря Флерана и г-жу Будкевичъ, довольно типичную служанку. Остальные роли были поручены молодымъ артистамъ. Имъ можно сдѣлать общій упрекъ, что они любовниковъ Мольеровскихъ пьесъ играютъ слишкомъ героями. Намъ думается, что настоящій тонъ для этихъ ролей можно найти, опираясь на типъ скорѣе любовника простяка, чѣмъ любовника героя.

Н. Домовъ.

* * *

Кромѣ „Мнимаго больного“, для праздничныхъ спектаклей въ „Драмат. театрѣ“ поставили еще „Гибель Надежды“ Гейерманса. Постановкою руководилъ Н. А. Поповъ, ставившій эту пьесу раньше въ Василеостровскомъ театрѣ. Въ пьесѣ были заняты гг. Самойловъ, Каширинъ, Ураловъ, Успенскій, Урванцевъ и др. О всѣхъ ихъ должно отзываться съ похвалою, принимая во вниманіе спѣшность постановки. Удалась роль г-жѣ Будкевичъ, а среди женской молодежи оказались весьма, повидому, способныя исполнительницы—таковы, напримѣръ, сестры Шиховы: у нихъ есть экспрессія и чувство правды.

* * *

Новый театр. „Жизнь смѣется“, ком. въ 4-хъ дѣйств., пер. М. Шевлякова.

Жизнь смѣется... Смѣется жестоко, зло, безпощадно. Смѣется надъ всѣмъ и всѣми. Живешь, работаешь, о чѣмъ-то

думаешь, къ чему-то стремишься, но придетъ моментъ и жизнь повернетъ все по своему. Все будетъ такъ, какъ захочетъ жизнь, а не такъ, какъ хочешь тебѣ. И какъ это странно, мучительно и тяжело, что люди, будучи только игроушкой жизни, кипятятся, волнуются, приобретаютъ, присваиваютъ, сердятся, радуются и не подозреваютъ, что все это напрасно, что жизнь шутитъ большею частью какъ разъ надъ тѣмъ, что для насъ является самымъ серьезнымъ дѣломъ...

Вотъ примѣръ. Молодая дѣвушка Грета—плодъ любви несчастной" учительницы Элизы—воспитывается матерью въ полномъ невѣдѣннн жизни, вдали отъ всякихъ жизненныхъ тревогъ и задачъ. Мать, горькимъ опытомъ познавшая многіе шипы жизни, рѣшила держать дочь какъ можно дальше отъ этого, какъ она называетъ жизнь, „змѣя“, влекущаго въ свою грозную пасть маленькихъ людей. Но змѣй неумолимъ; отъ него никуда не спрячешься. Онъ врывается и въ тихій уголокъ, въ которомъ обитаютъ мать и дочь. Своимъ оружіемъ жизнь на этотъ разъ выбрала учителя музыки Карла, у котораго учится Грета. Но не въ музыкѣ тутъ сила. Карль и Грета влюбилися другъ въ друга. Карль женатъ, имѣетъ дѣтей, но любить Грету. Она вдохновляетъ его и онъ пишетъ оперу.

На одинъ изъ уроковъ случайно попадаетъ мать Греты. Грета на минуту отрезвляется. Но Карль неумолимъ и настойчивъ. Онъ требуетъ, чтобы Грета бѣжала съ нимъ, стала его любовницей. Его любовь будто бы все „освящаетъ“. Грета готова за нимъ послѣдовать и только обморокъ матери ее останавливаетъ. Карль уходитъ.

Грета на время спасена отъ ужаснаго змѣя-жизни, но только на время. Она все еще продолжаетъ любить Карла. Эта любовь сушитъ ее, изводитъ. Здоровье ея съ каждымъ днемъ становится все слабѣе и слабѣе. Мать, наконецъ, убѣждается, что дочь можетъ спасти только Карль. Измученная, истомленная она идетъ къ Карлу и предлагаетъ ему дочь. Но, увы, Карль отказывается: онъ говоритъ, что увлеченіе его Гретой уже прошло. На помощь матери придти... жена Карла. Она уговариваетъ его вновь приняться за уроки съ Гретой.

И вотъ послѣдняя картина: въ сосѣдней комнатѣ Грета и Карль занимаются музыкой, а можетъ быть и еще чѣмъ-нибудь, „чего сказать нельзя“, какъ поется въ куплетахъ, а тутъ, въ столовой, мать Греты и жена Карла распиваютъ чай...

Такъ смѣется жизнь...

Исполняется пьеса недурно. Прекрасно играетъ Грету г-жа Иванова. Нервно, трогательно, искренно. Молодая артистка съ каждой новой ролью положительно совершенствуется. Г. Глаголинъ игралъ съ обычными достоинствами и недостатками. Были продуманныя мѣста въ исполненіи г-жи Свободина-Барышевой (Эльза).

Л.

* * *

Народный домъ. Въ среду, 20-го апрѣля, здѣсь состоялся оперный спектакль. Такихъ спектаклей предположено въ теченіе Пасхи и Фоминой недѣли—шесть. Для открытія поставили „Фауста“. Большинство исполнителей оказались старыми, хорошими знакомыми нашей публики. Партію Маргариты пѣла г-жа Тимашева, Валентина—г. Ермаковъ, Зибеля—г-жа Корецкая, а г-жа Глинская-Фалькманъ любезно согласилась исполнить роль Марты. Извѣстный интерес новизны представляли лишь г. Ленскій и Сергѣевъ, выступившіе въ роляхъ Фауста и Мефистофеля. У нихъ хорошіе голоса, особенно у г. Сергѣева, но поютъ они грубовато, зачастую безъ нужды форсируя; этотъ недостатокъ, очевидно, является результатомъ провинціальной дѣятельности названныхъ пѣвцовъ. Успѣхъ всѣхъ исполнители имѣли большой. Видно, что товарищество старательно приготовилось къ первому спектаклю. Однако отсутствіе опытной режиссерской руки чувствуется. Напримѣръ, во время заклинанія цвѣтовъ Мефистофелемъ розы загораются не только розовыми и красными огнями, но синими и зелеными. Зеленая роза—это уже сверхъ-волшебство! Приходится также пожалѣть, что Народный домъ не уступилъ новому товариществу своего прекраснаго балета. Балетъ былъ тотъ же, что въ оперѣ князя Церетели: слѣдовательно публикѣ пришлось любоваться не танцами, а разухабистымъ прыганьемъ. Театръ былъ переполненъ.

М. Н.—овъ.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦИИ.

Архангельскъ. Арендный Е. М. Долинымъ городской театръ съ 18 апрѣля по іюнь мѣсяца данъ въ арендное пользованіе артисту с.-петербургскаго Новаго театра Г. П. Ростову, составившему драматическую гастрольную труппу изъ слѣдующихъ лицъ: г-жъ Анчаровой, Вернаговичъ, Фалѣевой, Квасниковой, Никитской, Самойловой, Н. Ф. Сербской, Триенской и Шляпиной и г. Александрова, Аполлонова, Арканова, Вернаговича, Мартынова, Иполитова, Островскаго, Ростова, Самбарова и Уварова, гл. режиссеръ—Г. П. Ростовъ, режиссеръ и администраторъ В. И. Островскій, пом. режиссера Д. И. Бару и суфлеръ А. С. Богдановъ. Спектакли начнутся 18 апрѣля драмой А. Н. Островскаго „Свѣтлти да не грѣ-

еть“, Изъ источника вполне достовѣрнаго извѣстно, что Е. М. Долины въ теченіи зимняго сезона 1905-6 гг. кромѣ архангельскаго городского театра, гдѣ первую половину будетъ играть оперетта, снялъ театръ въ г. Омскѣ.

Владивостокъ. Во „Владивостокскомъ листкѣ“ читаемъ: „Артистъ Дальскій, заработавшій большія и даже очень большія деньги на Дальнемъ Востоке, не только своей дѣятельностью антрепренера, но и какъ очень своеобразный коммерсантъ, одному изъ артистовъ г. М., служившему у Дальскаго вмѣстѣ съ женой, не доплатилъ жалованья. На судѣ, у мирового судьи г. Владивостока, 17 марта, г. Дальскій заявилъ, что не платитъ г. М. „за непочтительность“.

Владивостокъ. Съ 18-го апрѣля въ городскомъ театръ начались спектакли малорусской труппы г. Глазуенко.

Екатеринбургъ—Пермь. Въ оперную труппу (антреприза гг. Строева и Федорова) приглашены: г. Черновъ, Кано, Августовъ, Андреевъ; капельмейстеръ—г. Дудышкинъ и режиссеръ—г. Альтшулеръ.

Екатеринославъ. Съ 1-го мая по 15 іюня будетъ играть товарищество драматич. артистовъ, подъ управленіемъ Н. Н. Синельникова. Въ составъ вошли: г-жи Рощина-Инсарова, Арсеньева, Блюменталь-Тамарина, Лисенко, Мандражи и Свободина-Барышева, гг. Лепковскій, Радинъ, Борисовъ, Блюменталь-Тамаринъ и Феоктистовъ.

Казань. Владѣльцемъ пивовареннаго завода „Восточная Баварія“, въ дачной мѣстности на озерѣ „Кабанъ“ въ саду „Аркадія“, построены большой лѣтній закрытый театръ (вмѣстимость 1000 чел.); на предстоящій лѣтній сезонъ главнымъ режиссеромъ и администраторомъ приглашенъ режиссеръ казанскаго городского театра артистъ А. Г. Аяровъ, который сформируетъ драматическую труппу. Комедія, фарсъ и обстановочныя пьесы. Сезонъ съ 20 мая по 20 августа. Садъ и театръ освѣщаются электричествомъ. Это первая попытка создать въ Казани лѣтній общедоступный приличнаго характера, безъ кафешантана театръ.

Кишиневъ. Съ 1-го мая начнутся спектакли одесской труппы г. Долинова, подъ антрепризой гг. Бискера и Бѣлозерскаго. Состоится 15 спектаклей.

Кіевъ. Въ городскомъ театръ 18-го апрѣля открывается весенній сезонъ оперы.—Въ театръ „Соловцовъ“—опереточные спектакли, съ участіемъ г-жи Кавецкой.—Въ театръ общества грамотности—продолжаются драматическіе спектакли.

Минскъ. Театръ данъ съ 15-го сентябрю по 1-го мая 1905--1906 гг., извѣстному по своимъ поѣздкамъ по западному краю предпринимателю и артисту Е. Л. Бѣляеву, который въ настоящее время формируетъ сильную труппу.

Н.-Новгородъ. Г. Дракули предъявилъ къ г-жѣ Эйгенъ искъ въ 500 руб. за неисполненіе ею договора, а г-жа Эйгенъ предъявила встрѣчный искъ въ суммѣ 550 руб., слѣдуемой ей за участіе въ спектакляхъ.

Одесса. 1-го мая въ городскомъ театръ открывается сезонъ русской оперы. Антреприза М. М. Лубковская. Составъ труппы: г-жи Врунь, Друзякина, Калиновская-Менцеръ, Шульгина, Азерская, Правдина, Ковелькова; гг. Давыдовъ, Бонаичъ, Махинъ, Врайнинъ, Шароновъ, Каміонскій, Бочаровъ, Егоровъ, Сергѣевъ, Гавриловъ, Ковалевскій-Гриневъ и Летицевскій. Дирижеръ І. В. Прибикъ.

— Въ театръ Сибирикава съ 18-го апрѣля—оперетка г. Шульца. Первый спектакль ознаменовался крупнымъ скандаломъ. Въ концѣ обозрѣнія „Веселыя ночи“ была выведена „еврейская труппа Абсаъ“, причемъ артисты предстали передъ публикой въ смѣшномъ и оскорбительномъ для еврейской націи видѣ. Раздалися протесты, свистъ и крики „дойло со сцены“—почти всего зрительнаго зала, а часть публики стала расходиться. „Номеръ“ сейчасъ былъ прерванъ и сконфуженные „артисты“ должны были удалиться со сцены.

Пенза. Зимній сезонъ. Драма. Дирекція К. Э. Олигина и А. Л. Миролюбова. Сцена вся заново ремонтируется. Новая декорация, обстановка и пр. Режиссеромъ приглашенъ Я. Л. Лейнъ (изъ Художественнаго театра).

Прилуки. Лѣтній сезонъ. Новый городской театръ. Начало сезона 1-го мая. Драма. Антреприза К. Э. Олигина и А. Л. Миролюбова. Составъ: г-жи Орловская, Островская, Василькова, Безсонова, Лазарева, Налина, Ренина, Дольская, Александрова, Лилина, Кадмина, гг. Олигинъ, Баяновъ, Миролюбовъ, Тархановъ, Ватинъ, Заковскій, Лакнеръ, Чернышевъ, Корбутъ, Ильинскій, Лилинъ и Вельскій. Режиссеръ Я. Л. Лейнъ, помощн. режиссера И. П. Леоновъ, художникъ-декораторъ Корбутъ, костюмеръ И. Н. Соколовъ. Сезонъ открывается пьесой Сумбатова „Цѣпи“.

Ростовъ-на-Дону. Намъ пишутъ: У екатеринодарской управы вышло столкновение съ С. И. Крыловымъ. Управа, разсмотрѣвъ представленный г. Крыловымъ списокъ труппы, нашла что въ труппѣ нѣтъ *ingéluce dramatique* и пригрозила антрепренеру примѣненіемъ пункта договора относительно неудовлетворительнаго состава труппы. Между тѣмъ въ труппѣ имѣются артистки Вульфъ, Малаксіанова и Марченко.

За глаза достаточно. Екатеринодарская управа аттестуетъ труппу, не зная еще ея. Это не можетъ содѣйствовать апломбу новыхъ для Екатеринодара артистовъ. На май мѣ-

сящ С. И. Крыловымъ приглашена въ Екатеринодаръ З. В. Холмская.

— Какъ известно, Сенатъ разъяснилъ, что взиманіе поборовъ за нарядъ полиціи незаконно.

Въ виду этого... что вы думаете?— ростовской-на-Дону полиціи-мастеръ отмѣнилъ старый порядокъ распределенія нарядныхъ денегъ и даетъ имъ болѣе рациональное распределеніе: изъ жертвуемыхъ *добровольно* (!) за каждый нарядъ денегъ отчисляютъ пять восьмыхъ исключительно въ пользу городскихъ, а остальные три восьмыхъ будутъ распределяться между околочными надзирателями и другими чинами полиціи.

Эти „добровольныя жертвы“ полиціи напоминаютъ полицейское-же „честью просятъ“. Въ общемъ, все по прежнему: „обыватель да ходитъ опасно, а градоправитель да приемлетъ дары“.

Саратовъ. Съ 18-го апрѣля въ городскомъ театрѣ начались спектакли италіанской оперы Ганселецъ.

Симферополь. По словамъ „Кр. Вѣстн.“, антрепренеръ Семченко, снявшій симферопольскій дворянскій театръ, отказывается отъ антрепризы.

КЪ ВОПРОСУ О СОЮЗѢ.

Замѣтка эта вызвана желаніемъ подѣлиться съ товарищами мыслями объ основахъ будущаго союза сценическихъ дѣятелей.

Цѣль союза способствовать всѣмъ законными средствами возвышенію матеріальнаго благосостоянія, общественного положенія и нравственнаго уровня своихъ членовъ сценическихъ дѣятелей, или другимъ словами, союзъ преслѣдуетъ цѣли экономическія, политическія и этическія.

Каждый членъ союза долженъ быть увѣренъ, что всякій другой членъ союза не только честный профессионалъ, но и честный человѣкъ. Каждый членъ союза долженъ быть увѣренъ, что никакой другой членъ союза не совершитъ ничего безчестнаго, ничего позорящаго союзъ. Каждый членъ союза долженъ быть увѣренъ, что всякому другому члену союза можно оказывать самое высокое нравственное довѣріе.

Таково должно быть значеніе союза; таковымъ онъ долженъ быть и въ глазахъ сценическихъ дѣятелей и въ глазахъ общества.

Членъ союза долженъ гордиться, что онъ принадлежитъ къ подобной корпораціи; не членъ долженъ стремиться къ чести быть ея членомъ.

Ясно, что союзъ такого характера можетъ быть организованъ исключительно путемъ отбора; въ него не могутъ войти всѣ желающіе сценическіе дѣятели, ибо среди массы всегда найдется очень много лицъ, не могущихъ пользоваться нравственнымъ довѣріемъ своихъ сочленовъ, какъ по физіономіи своей нравственной личности, такъ и по характеру своей профессиональной дѣятельности.

Вступающій въ союзъ, слѣдовательно, долженъ обладать какъ опредѣленнымъ профессиональнымъ цензомъ, такъ и опредѣленнымъ цензомъ нравственнымъ. Профессиональный цензъ опредѣляется удосто- вѣреніемъ въ принадлежности къ сценической дѣятельности, нравственный баллотировкой при вступленіи.

Я не буду въ этой замѣткѣ касаться практическихъ подробностей какъ устроить то или другое; можетъ быть объ этомъ придется поговорить въ другой разъ;—теперь же только объ основахъ союза.

Средствами союза должно являться, главнымъ образомъ, самообложеніе. На постороннія средства особенныхъ надеждъ возлагать не слѣдуетъ; будутъ они—прекрасно, нѣтъ—союзъ самъ долженъ стать на ноги. Союзъ—это одна изъ формъ самопомощи. Члены союза должны приносить солидныя жертвы на алтарь своего единенія. Примѣрно, уплата членами одного процента своего дохода есть минимумъ ежегоднаго взноса въ кассу союза. Могутъ быть и экстренные платежи, если они вызываются необходимостью минуты.

Какъ видите, союзъ требуетъ отъ своихъ сочленовъ многого. Зато онъ долженъ и давать многое.

Среди членовъ союза не должно и не можетъ быть вопроса о нуждѣ,

Если кто-либо изъ членовъ союза оказался безъ работы, союзъ долженъ дать ему таковую или другимъ способомъ обезпечить ему безбѣдное существованіе; если членъ союза заболѣлъ, союзъ долженъ обезпечить ему возможность надлежащаго леченія. Впавшему по болѣзни или случайности въ инвалидность, союзъ обезпечиваетъ безбѣдное житіе путемъ ли организаціи страхованія или пенсійныхъ кассъ или другимъ образомъ. Старику, лишённому возможности работать, долженъ быть обезпеченъ союзомъ пріютъ и безбѣдное существованіе.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. г., г. редакторъ! Позвольте черезъ Вашъ уважаемый журналъ помѣстить мое письмо:

„Возвратясь съ Дальняго Востока, и не зная адреса многихъ моихъ товарищей и сослуживцевъ по сценѣ, поздравляю всѣхъ со Свѣтлымъ праздникомъ, съ самыми лучшими пожеланіями съ моей стороны. Буду радъ и счастливъ—если кто захочетъ откликнуться. Александръ Васильевичъ Ильинъ (по сценѣ Борейскій). Адресъ мой: Воронежъ, Халютинская ул., д. № 4.

М. г.! 2-го апрѣля, между мной и г. Чабановымъ-Лавровымъ состоялась слѣдующая сдѣлка: г. Чабановъ предложилъ составить оперную труппу для города Пензы на Пасхальную и Фоминую недѣлю. На подъемъ труппы С. А. Марусина выдала г. Чабанову шестьсотъ рублей черезъ театральное бюро. 11 апрѣля г. Чабановъ заявилъ, что этихъ денегъ ему мало, тогда С. А. Марусина, по телеграммѣ, перевела ему еще 200 р. Афиши въ г. Пензѣ были выпущены, какъ вдругъ г-жа Марусина, 13 апрѣля получаетъ отъ г. Чабанова извѣщеніе, что онъ въ Пензу не пріѣдетъ и кончилъ въ г. Калугу. Легко представить положеніе предпринимательницы г-жи Марусиной, выпустившей афиши, затратившей деньги и оставшейся въ самое горячее время безъ труппы и денегъ. Предоставляю судить читателямъ о вышеизложенномъ. *В. А. Перовскій.*

М. г., г. редакторъ! Въ виду получаемыхъ мною запросовъ, позвольте довести до свѣдѣнія черезъ посредство вашего уважаемаго журнала, что свою драму „Каинъ“ я временно предоставилъ въ исключительное пользованіе „Передвижного театра“ г. Гайдебурова и потому разрѣшить гдѣ-либо постановку этой пьесы впредь до ея выхода въ свѣтъ не могу.

Пр. и проч. *Осипъ Димовъ.*

М. г., г. редакторъ. Въ № 12 уважаемаго журнала „Театръ и Искусство“ г-нъ Камневъ, давая отчетъ о екатеринославскомъ зимнемъ театрѣ, не совсѣмъ точно опредѣлилъ расходъ этого театра, коснувшись одной стороны дѣла и совершенно не освѣтивъ другую. Въ видахъ восстановленія истины считаю своимъ долгомъ болѣе подробно описать условія сдачи театра. Вечеровая плата за театръ дѣйствительно 120 руб., но это вовсе не такъ много при театрѣ, вмѣщающемъ при полномъ сборѣ болѣе 1000 р., тѣмъ болѣе, что управляющій театромъ беретъ не нѣкоторые, какъ утверждаетъ г-нъ Камневъ, а всѣ вечеровые расходы на себя, т. е. театръ, освѣщеніе (электрическое), мебель (прокатъ) на сцену, афиши, объявленія въ газетахъ, парикмахеръ, нарядъ, капельдинеры, кассиры, рабочіе на сценѣ, разсылные и проч. Это уже не будетъ „грабилровка“, какъ очень неудачно выразился г-нъ Камневъ. Принимая къ тому же во вниманіе, что театръ работаетъ не весь сезонъ, а существуетъ исключительно гастролями труппами, что составляетъ 4—5 мѣсяцевъ самое большее, то мнѣ кажется, что у управляющаго екатеринославскимъ театромъ г-на Элькинда аппетитъ очень умѣренный, а если еще прибавить, что г-ну Элькинду часто приходится давать подъемныя деньги предпринимателямъ, что составляетъ въ коммерческомъ дѣлѣ извѣстный рискъ, то выраженіе „грабилровка“ совсѣмъ уже будетъ неумѣстнымъ. Лично отъ себя могу добавить, что г-нъ Элькиндъ при слабыхъ сборахъ и эту плату уменьшалъ почти на половину. Распорядитель А. Ивасенко. Артисты: С. Аксеновъ, В. Д. Муравлевъ-Свирскій, А. П. Бернатовичъ-Товгинъ.

Заботы о вдовахъ и сиротахъ лежатъ также на обязанности союза. Однимъ словомъ съ момента вступленія въ союзъ—сценической дѣятель можетъ считать свою судьбу обеспеченной и работать спокойно, не боясь за будущее свое и своей семьи.

Многое изъ только что перечисленнаго будетъ

эта мѣра покажется, можетъ быть, немного жестокой, хотя она и достаточно обоснована. Сдѣлаемъ уступку: на первый или на 2 года приемъ членовъ союза предѣльнымъ возрастомъ не ограничивать и принимать всякихъ стариковъ, но со слѣдующаго года правило это должно быть введено.

—Ш Ш И Л Л Е Р О В С К І Е Д Н И. Ш—

Агнеса Сорель.
(„Орлеанская дѣва“).

Юанна Д'Аркъ.
(„Орлеанская дѣва“).

Валленштейнъ.
(„Валленштейнъ“).

(Типы изъ драмъ Шиллера).

достигаться посредствомъ устройства при союзѣ различнаго рода кассъ. Касса сберегательная будетъ страховать временную потерю заработка; касса пенсiонная — обеспечивать безбѣдную старость; касса похоронная — временную помощь семьѣ послѣ смерти главы ея; касса страхованія — инвалидность и т. д.

Во всѣ эти кассы нужно дѣлать взносы то постоянные, то временные. Весьма возможно, что они будутъ поглощать около 10 процентовъ всего заработка члена союза, но зато они будутъ давать сознание полной обеспеченности существованія до самой смерти.

Теперь будетъ понятно, почему я полагаю необходимымъ установить еще одно ограниченіе для вступленія въ союзъ — это предѣльный возрастъ, примѣрно 55—60 лѣтъ. Зачѣмъ союзу обременять себя членами малолетними, которые черезъ малое количество лѣтъ завѣдомо станутъ пенсiонерами союза? Послѣднему будетъ достаточно хлопотъ и понадобится средствъ для обезпеченія своихъ состарѣвшихся членовъ и по-моему совершенно справедливо отказаться отъ принятія лицъ, не дававшихъ въ союзъ ни копѣйки за всю долготѣнную жизнь, а когда стукнуло 60, вдругъ почувствовавшихъ къ союзу симпатію, рассчитывая, что онъ обезпечитъ ихъ старость?

Для русской сострадательной славянской души,

лицо предѣльнаго возраста, если находить удобнымъ для себя вступить въ союзъ, можетъ это сдѣлать въ первые два года. Не сдѣлалъ — пеняй на себя!

Не слѣдуетъ думать, что помощь своимъ членамъ союзъ выразитъ въ дѣятельности перечисленныхъ выше кассъ. Нѣтъ, и помимо ихъ найдется множество способовъ, которыми союзъ будетъ оказывать поддержку и помощь.

Такъ, союзъ можетъ формировать изъ оставшихся безъ ангажемента своихъ членовъ труппы и товарищества и облегчать имъ возможность снятія театровъ, союзъ самъ можетъ создавать собственные театральныя предпріятія, снимать театры или строить собственные. Союзъ будетъ устраивать профессиональные курсы или лекціи для своихъ членовъ, какъ для отдѣльных специальностей, напр. для режиссеровъ, декораторовъ и проч.,

такъ и по различнымъ вопросамъ — курсы грима, курсы по исторіи костюма и т. п. Союзъ будетъ оказывать юридическую помощь членамъ, въ ней нуждающимся. Онъ будетъ защищать своихъ членовъ отъ административнаго произвола и помогать пострадавшимъ отъ него; облегчать профессиональную дѣятельность устройствомъ рекомендательнаго бюро, собственныхъ библиотекъ, костюмерныхъ и т. п.

Такимъ образомъ, сценической дѣятель получитъ

Марфа. (Бертенсъ).

Дмитрій. (Штилеръ).

„Дмитрій Самозванецъ“ въ Лессингъ-театрѣ.

неисчислимыя выгоды отъ вступленія въ союзъ; и если будетъ платить, то будетъ знать за что!

Вступить въ союзъ — на мой взглядъ, это нѣкоторымъ образомъ,—благодать. Но вступить должно быть очень трудно. Благодаря ограниченіямъ вышеуказаннымъ, а въ особенности нравственному цензу, войти въ союзъ можетъ быть меньшая часть всѣхъ сценическихъ дѣятелей.

Безнадежно испорченные нравственно люди встрѣчаются какъ исключеніе. Большинство, если въ нравственномъ отношеніи и невысокаго качества, обязано этимъ или случайнымъ обстоятельствамъ, нетвердости принципамъ, или вліянію среды, товарищей. Справедливо-ли для подобныхъ людей закрывать навсегда доступъ въ союзъ? Данное лицо, не удовлетворяя въ настоящій моментъ требованіямъ

послѣднихъ выяснитъ свой нравственный обликъ, чтобы затѣмъ разсчитывать на принятіе его въ союзъ.

Подобная двухстепенная организація хорошо достигаетъ и цѣли объединенія сценическихъ дѣятелей и создаетъ союзъ съ дѣйствительно высокимъ нравственнымъ цензомъ. Подобная организація будетъ высоко стоять и въ глазахъ сценическаго міра и несомнѣнно пріобрѣтетъ авторитетное положеніе въ глазахъ общества. Объединенія сценическихъ дѣятелей, оказывая имъ всевозможную поддержку, союзъ способствуетъ развитію сознанія личнаго достоинства, поднимаетъ значеніе сценическихъ дѣятелей въ государствѣ, возвышаетъ личность ихъ въ сознаніи общества и народа.

С. СВѢТЛОВЪ.

ШИЛЛЕРОВСКІЕ ДНИ.

Принцесса Эболи.
(„Донъ-Карлосъ“).

Герцогъ Альба.
(„Донъ-Карлосъ“).

Фіеско.
(„Заговоръ Фіеско“).

(Типы изъ драмъ Шиллера).

для вступленія въ союзъ, можетъ быть будетъ удовлетворять имъ чрезъ годъ или два или ранѣе. Почему же отказать ему въ приемѣ въ союзъ?

Подобныхъ лицъ удобно было бы объединить въ особую категорію членовъ, назвавъ ихъ членами-кандидатами. Конечно, и для того, чтобы попасть въ кандидаты нуженъ будетъ уже нѣкоторый цензъ, но гораздо слабѣйшій, чѣмъ для дѣйствительнаго члена. Можетъ быть, здѣсь будетъ возможно ограничиться даже однимъ профессиональнымъ цензомъ, принимая безъ баллотировки, а лишь по рекомендаціи извѣстнаго числа дѣйствительныхъ членовъ. Кандидаты могли бы участвовать въ различныхъ кассахъ общества, имѣя совѣщательный голосъ, но понятно, что вліянія на дѣла союза они никакого имѣть не могутъ. Участвуя въ кассахъ, они могутъ пользоваться ихъ благами, но всѣ должностныя лица во всѣхъ учрежденіяхъ союза должны быть изъ числа дѣйствительныхъ членовъ.

Пробывъ кандидатомъ извѣстный, точно опредѣленный, срокъ, сценической дѣятель получаетъ право баллотироваться въ члены союза. Можетъ быть, полезно вообще установить, что для вступленія въ союзъ необходимо сначала пробыть извѣстное число лѣтъ кандидатомъ. Въ теченіе этого времени данное лицо, приходя постоянно въ соприкосновеніе съ членами союза, можетъ достаточно ясно для

ШИЛЛЕРОВСКІЕ ДНИ.

Жизнь Фр. Шиллера.

10-е ноября 1759 г. является знаменательнымъ днемъ въ исторіи всемірной литературы. Въ этотъ день въ г. Марбахѣ родился Фридрихъ Шиллеръ. Отецъ его, Иоганъ-Гаспаръ, былъ сначала простымъ хирургомъ-цирульникомъ, а затѣмъ служилъ въ военной службѣ и дослужился до чина лейтенанта. Это былъ энергичный и положительный человекъ. Впрочемъ, вліяніе его на сына сказалось мало. Гораздо большая въ этомъ отношеніи заслуга матери Фридриха. Вѣроятно, о ней думалъ онъ, когда называлъ лучшей женщиной ту, о которой ничего не говорятъ. Одинъ изъ друзей юности Шиллера описываетъ ее такъ: „Никогда не зналъ я болѣе теплаго материнскаго сердца, никогда не встрѣчалъ женщины болѣе женственной, лучшей семьянинки“. Шиллеръ, еще болѣе чѣмъ Гете, былъ сынъ своей матери. Отъ нея онъ наслѣдовалъ высокую худощавую фигуру (отецъ былъ плотенъ и невысокъ ростомъ), сильно развитый лобъ, бѣлокурые, почти рыжіе волосы, нѣжность и прозрачность кожи.

Какъ жилъ Шиллеръ?.. „Кто пишетъ героическія поэмы, говоритъ Мильтонъ, долженъ былъ бы стараться, чтобы и жизнь его была такой же героической поэмой“. Шиллеръ именно такъ жилъ. Чтобы оцѣнить достойно поэта Шиллера, необходимо поближе узнать великаго, благороднаго поэта Шиллера. Чарующая сила поэзіи его кроется, главнымъ образомъ, въ благородствѣ его сердца и въ величій его характера. „Въ Шиллерѣ, говоритъ одинъ изъ его биографовъ, соединилось все то, что у большинства лицъ является врозь. Онъ былъ одновременно прекраснѣйшій, добрый человекъ, сильный, энергичный характеръ, глубокой мыслитель и великій поэтъ“.

Но не будемъ забѣгать впередъ.

Воспитывался Шиллеръ первоначально въ такъ называемой „Латинской“ школѣ, гдѣ преимущественно обучали латыни. Школа эта считалась подготовительной для тѣхъ, кто желалъ посвятить себя изученію богословія. Шиллеръ первоначально мечталъ именно о карьерѣ проповѣдника. Но судьба рѣшила иначе...

Когда отецъ Фридриха былъ переведенъ въ Штутгартъ, герцогъ Вюртембергскій Карлъ-Евгеній, въ періодъ своего увлеченія педагогической дѣятельностью, пожелалъ взять маленькаго Шиллера въ основанную имъ военную академію. 7 лѣтъ пробылъ Шиллеръ въ академіи. Военная дисциплина, господствовавшая въ академіи, туго прививалась къ будущему поэту, отъ природы увлекающемуся и живому. Состояніе здоровья отражалось на его успѣхахъ и онъ былъ, какъ и многіе другіе великіе художники, однимъ изъ послѣднихъ учениковъ.

Поэзія не поощрялась въ академіи. Литературныя произведенія учениковъ, романы, сборники стихотвореній безпощадно конфисковались при частыхъ обыскахъ, производимыхъ въ академіи. И, конечно, все выдающееся, всѣ произведенія, волновавшая общество, контрабандой проникали въ стѣны академіи и производили броженіе въ замкнутомъ міркѣ. Шиллеръ не былъ то, что называется пожирателемъ книгъ, но зато обладалъ счастливой способностью съ возрастающимъ воодушевленіемъ по 12 и даже по 20 разъ перечитывать произведенія любимыхъ писателей.

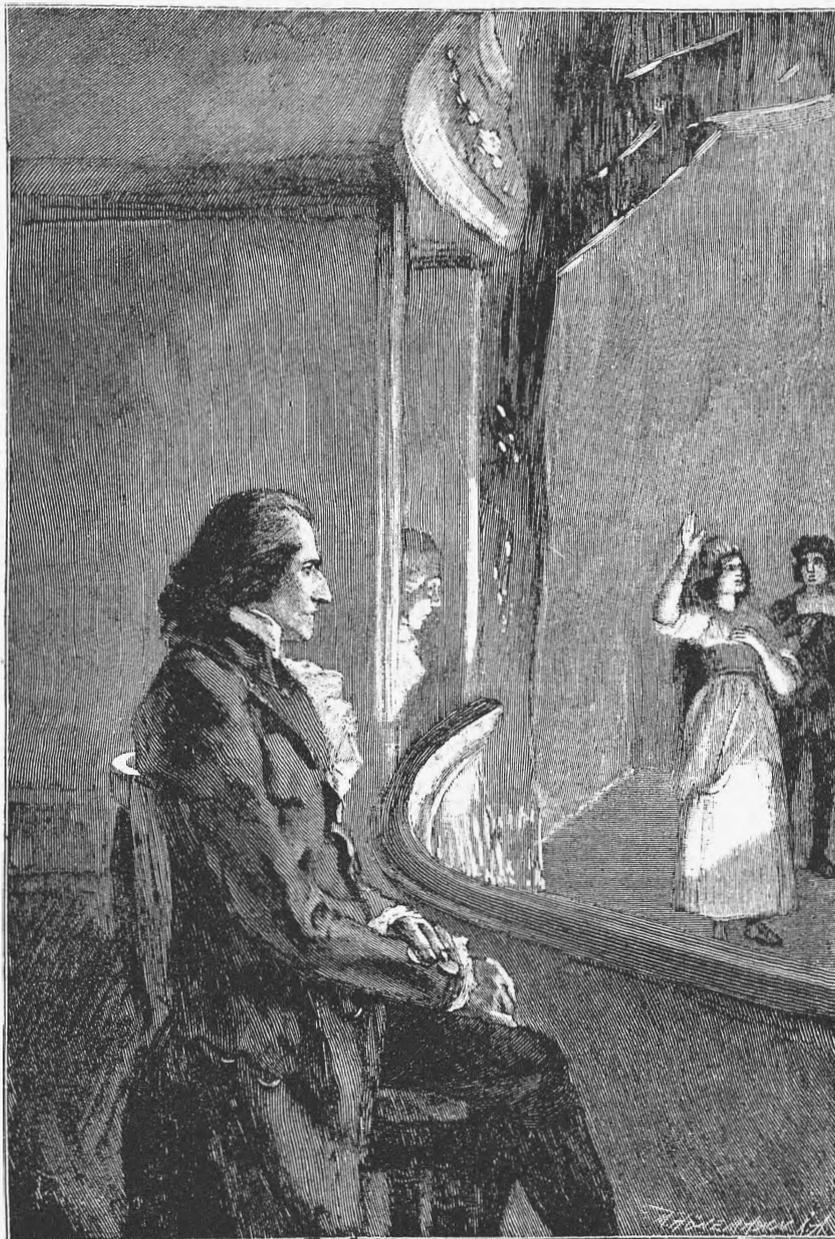
Еще въ академіи проснулся поэтический даръ Шиллера. Въ послѣдній годъ пребыванія въ академіи Шиллеръ уже прочелъ товарищамъ свою знаменитую драму „Разбойники“. Надъ этой драмой Шиллеръ работалъ съ перерывами послѣдніе три года своего пребыванія въ академіи. Такъ какъ днемъ невозможно было укрыться отъ бдительности начальства, то онъ писалъ ночью или отпрашивался въ лазаретъ, подъ предлогомъ лихорадки, и тамъ, лежа въ постели, писалъ подъ одеяломъ. Драма Шиллера имѣла шумный успѣхъ среди первыхъ его слушателей. По окончаніи академіи, Шиллеръ получилъ назначеніе въ качествѣ лекаря въ гарнизонный гренадерскій полкъ въ Штутгартѣ.

По выходѣ изъ академіи поэтъ рѣшилъ напечатать „Разбойниковъ“. Но гдѣ и какъ? Ни въ Штутгартѣ, ни въ Мангеймѣ не нашлось издателя, который согласился бы на свой счетъ напечатать эту первую пробу пера начинающаго писателя. Шиллеръ занялъ подъ поручительство одного пріятеля нужную сумму и издалъ „Разбойниковъ“ на свой счетъ. Появленіе драмы всполошило весь городъ, молодежь была въ восторгѣ, словно наэлектризована, а сторонники тогдашнихъ порядковъ, предрасудковъ и понятій выходили изъ себя отъ негодованія и страха. Такъ, по словамъ Гете, одно очень высокопоставленное лицо сказало ему въ Карлсбадѣ: „Если бы я былъ богомъ, только что собравшимся сотворить міръ, и предвидѣлъ, что въ немъ появятся „Разбойники“ Шиллера, я передумалъ бы, и міръ не былъ бы сотворенъ“. Трудно даже повѣрить теперь, до какой степени драма Шиллера проникла тогда во всѣ слои общества. Въ Баваріи напримѣръ мальчики составили шайку разбойниковъ, которая потому только не осуществилась, что одинъ изъ малолѣтнихъ Карловъ Мооровъ, прежде чѣмъ отправиться въ Богемскіе лѣса, нашелъ нужнымъ проститься съ матерью. Критика тоже взволновалась; съ одной стороны разносили въ пухъ и прахъ автора „Разбойниковъ“, съ другой видѣли въ немъ чуть ли не нѣмецкаго Шекспира и осыпали его похвалами.

Отпечатанные листы своей драмы Шиллеръ послалъ Швану, книгопродавцу въ Мангеймѣ. Шванъ тотчасъ же отправился съ пьесой къ Дальбергу, директору Мангеймскаго театра. Послѣдній не замедлил войти въ сношенія съ поэтомъ и посоветовалъ ему передѣлать драму для сцены. Это письмо Дальберга было весьма значительнымъ событіемъ въ жизни Шиллера, — оно дало ей рѣшающій поворотъ. 13-го января 1782 г. состоялось наконецъ въ Мангеймѣ первое представленіе „Разбойниковъ“. Безъ отпуска, тайкомъ, выбрался Шил-

леръ изъ Штутгарта и присутствовалъ такимъ образомъ при первомъ появленіи на сценѣ своего произведенія. Играли прекраснѣйшіе актеры: Ифландъ, Бейль, Бокъ; успѣхъ пьесы былъ колоссальный. Вздволнованные зрители выражали свой восторгъ нескончаемыми, бурными аплодисментами. Веселый и счастливый вернулся поэтъ домой. Но онъ не отдыхаетъ здѣсь на лаврахъ. Шиллеръ работаетъ теперь еще дѣятельнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году. Онъ издаетъ „Антологію“, — сборникъ лири-

—§ ШИЛЛЕРОВСКІЕ ДНИ. §—

Фр. Шиллеръ смотритъ изъ ложи на первое представленіе своей пьесы.

ческихъ стихотвореній, пишетъ рядъ статей въ „Виртембергскомъ Реперториумѣ“ и принимается за новую драму „Фіаско“.

Поэтическая дѣятельность Шиллера не нравилась герцогу Карлу-Евгенію. Послѣ какого-то газетнаго доноса онъ призвалъ къ себѣ Шиллера и огоршилъ его крикомъ: „Приказываю вамъ впредь не печатать никакихъ другихъ сочиненій кромѣ медицинскихъ“.

Шиллеръ послѣ этого рѣшилъ покинуть Штутгартъ. Такъ какъ его добровольно не отпускали, то онъ рѣшилъ бѣжать въ Мангеймъ. Здѣсь бѣднаго скитальца ожидали прежде всего тяжелыя разочарованія. Пьеса его, „Фіаско“ не понравилась Дальбергу и не была имъ принята.

Опасаясь преслѣдованій со стороны герцога, Шиллеръ переезжаетъ во Франкфуртъ. Здѣсь онъ задумываетъ новую драму „Коварство и Любовь“. Въ то же время онъ снова пере-

дѣлывается „Заговоръ Фіэско“. Но и въ новомъ видѣ пьеса не нравится Дальбергу. Шиллеръ удрученъ. Къ тому же и средства его истощаются. Жить не на что и вотъ онъ рѣшается принять приглашеніе Генріетты фонъ-Вольцогенъ, которая приглашаетъ его гостить въ свое имѣніе Бауербахъ. Въ Баденбахѣ Шиллеръ живетъ безвыѣздно цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ.

Въ Бауербахѣ Шиллеръ окончилъ „Коварство и любовь“. Не успѣвъ отдохнуть какъ слѣдуетъ, онъ принимается уже за новое произведеніе—„Донъ-Карлосъ“. Съ какимъ интересомъ относится поэтъ къ своему новому произведенію, видно изъ письма его къ Рейнвальду отъ 14-го апрѣля 1783 г.: „Мнѣ кажется, пишетъ онъ, что всякое поэтическое творчество есть ничто иное, какъ восторженная дружба или платоническая любовь къ созданіямъ нашей фантазіи. Выскажуся яснѣе. Мы создаемъ драматическіе характеры, сливая съ *чуждыми* нашими *собственными* чувствами и наши историческія свѣдѣнія. Производя такимъ образомъ разныя смѣси, мы при этомъ одаряемъ добродѣтельныхъ лицъ плюсомъ, а порочныхъ—минусомъ. Подобно тому, какъ изъ простаго, бѣлаго луча, смотря о какую онъ ударяется плоскость, рождаются тысячи и тысячи цвѣтовъ, также и въ душѣ нашей,—я склоненъ это думать,—незримо таятся зачатки всѣхъ характеровъ, вызываемыхъ къ жизни дѣйствительностью и природой или поэтической фикцией“...

Къ этому времени поэтъ, неожиданно для себя, получилъ весьма пріятное письмо отъ Дальбера, который просилъ прислать ему „Коварство и любовь“. Шиллеръ вторично ѣдетъ въ Мангеймъ. На этотъ разъ его мечты осуществились: Дальберъ предложилъ ему мѣсто драматическаго писателя при театрѣ и заключилъ съ нимъ на годъ контрактъ, по которому назначилъ Шиллеру 300 гульденовъ въ годъ и сборъ съ одного представленія каждой новой его пьесы.

Годъ, въ теченіе котораго Шиллеръ состоялъ театральнымъ драматургомъ, съ жалованіемъ въ 300 гульденовъ, кончился и Дальбергу не предложилъ возобновить контракта. Не имѣя надежды на какой-либо опредѣленный заработокъ, Шиллеръ задумалъ издавать журналъ.

Въ объявленіи о выходѣ новаго журнала, названнаго имъ „Rheinische Thalia“, юный поэтъ вдохновеннымъ языкомъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Отнынѣ публика будетъ для меня всѣмъ въ мірѣ, моей заботой, предметомъ моихъ наблюденій, моимъ довѣреннымъ другомъ и повелителемъ; одной публикѣ принадлежу я отнынѣ; надъ собой признаю я только ея судъ и никакого другаго; только одну ее чту и боюсь я теперь. Для меня есть нѣчто величественное въ сознаниі, что отнынѣ не буду носить иныхъ оковъ, кромѣ приговора свѣта, не буду обращаться ни къ какому другому престолу, кромѣ человѣческой души“.

Интересно съ какимъ чувствомъ припомнилъ Шиллеръ эти изліянія юношескаго воодушевленія въ послѣдствіи, когда, послѣ болѣе близкаго знакомства со своимъ „повелителемъ“, публикой, онъ писалъ Гете въ іюнѣ 1799 года: „Единственное отношеніе къ публикѣ, въ которомъ никогда не раскаяешься, это—война“.

Уже первый номеръ журнала поставилъ Шиллера во враждебныя отношенія къ актерамъ; критическая статья поэта о театрахъ и драматическомъ искусствѣ, возстановила противъ Шиллера почти всю труппу, такъ что пребываніе въ Мангеймѣ для поэта стало крайне неприятымъ. Къ тому же вели и его отношенія къ женщинамъ, игравшія въ жизни Шиллера, вообще, очень видную роль. То обстоятельство, что онъ здѣсь ближе увидѣлъ женщинъ, выгодно отразилось на изображеніи его драматическихъ героинь. Женскія его фигуры въ „Донъ-Карлосѣ“ указываютъ уже на значительный прогрессъ въ сравненіи съ женскими характерами въ „Разбойникахъ“, „Фіэскѣ“ и „Коварствѣ и любви“.

17 апрѣля 1785 г. Шиллеръ переѣзжаетъ въ Лейпцигъ. Здѣсь онъ сходитъ съ Кернеромъ, вмѣстѣ съ которымъ вскорѣ ѣзжаетъ въ Дрезденъ. Изъ мѣстечка Лешвицъ, близъ Дрездена, гдѣ у Кернера была дача, Шиллеръ пишетъ Груберу: „Среди нашихъ милыхъ живу я здѣсь, какъ на небѣ“. Тутъ поэтъ провелъ осень 1785 г., лѣто 1786 г. и весну 1787 г. и много работалъ. Послѣ усиленныхъ подготовительныхъ историческихъ занятій онъ совершенно переѣхалъ и окончилъ „Донъ-Карлоса“, а также написалъ драматическій отрывокъ „Мизантропъ“ и разсказъ „Игра судьбы“. Кромѣ того поэтъ здѣсь же задумалъ романъ „Духовидецъ“ и написалъ нѣсколько статей для „Thalia“, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны его „Философскія письма“. По удачному выраженію Куно Фишера, эти письма Шиллера—„философскіе гимны, ежеминутно готовые превратиться въ поэтическіе“.

Главное произведеніе Шиллера, конченное имъ въ Лешвицѣ и Дрезденѣ, была его драма „Донъ-Карлосъ“, написанная пятистопными ямбами.

Въ печати „Донъ-Карлосъ“ появился въ 1786 г., а на сценѣ пьеса дана была впервые въ Гамбургѣ 29-го августа 1787 г.

Зимой 1786—1787 гг. Шиллеръ снова влюбляется. Онъ часто бывалъ въ домѣ артистки Софіи Альбрехтъ и здѣсь познакомился съ красавицей Генріеттой фонъ-Арнимъ. Вскорѣ

Генріетта вышла замужъ за графа Кунхейма и на этомъ покончился романъ Шиллера.

Шиллера неожиданно потянуло въ Веймаръ. Никѣмъ неузнанный, кромѣ г-жи фонъ-Калобъ, прибылъ онъ въ Веймаръ.

Всю первую зиму въ Веймарѣ Шиллеръ неутомимо работалъ: онъ продолжалъ издавать журналъ „Thalia“, писалъ статьи въ Виландовскомъ „Нѣмецкомъ Меркуриі“, написалъ романъ „Духовидецъ“ и кромѣ того „Исторію отпаденія Нидерландскихъ провинцій“, которая доставила Шиллеру кафедру въ Ленѣ.

Влеченіе поэта къ семейной жизни еще усилилось послѣ знакомства его съ сестрами фонъ-Леgefедьдъ.

Сестры произвели на Шиллера большое впечатлѣніе. Онъ скоро сдружился съ ними, а потомъ и влюбился въ Лотту, которая отвѣчала ему взаимностью. 20 февраля 1790 г. Шиллеръ и Лотта были повѣнчаны въ деревенской церкви близъ Лены.

Вскорѣ послѣ возвращенія Шиллера въ Лену, случилось одно изъ важнѣйшихъ событій его жизни—сближеніе его съ Гете, перешедшее затѣмъ въ тѣсную дружбу. Счастливымъ случай свелъ великихъ поэтовъ. Въ Ленѣ образовалось общество естествоиспытателей, почетными членами котораго были Гете, Шиллеръ и Гердеръ. Выходя съ одного изъ засѣданій Шиллеръ съ Гете заспорили. Увлеченный споромъ Гете зашелъ къ Шиллеру и пробылъ у него нѣсколько часовъ.

Въ 1795 г. Шиллеръ, въ сотрудничествѣ съ Гетомъ, начинаетъ изданіе новаго журнала „Horen“. Журналъ, впрочемъ, просуществовалъ недолго и въ 1798 г. прекратился.

1797 г. самимъ Шиллеромъ названъ годомъ балладъ. Въ октябрѣ 1796 г. поэтъ усиленно занимается драмой „Валленштейнъ“, задуманной имъ еще въ Эрфуртѣ въ 1791 г. Между появленіемъ „Донъ-Карлоса“ и окончаніемъ „Валленштейна“ прошелъ промежутокъ въ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Это было время, когда Шиллеръ почти что отвернулся отъ поэзіи, года пытливости мысли и ума, послѣ которыхъ, обогатившись и созрѣвъ, онъ снова вернулся къ драмѣ. Въ письмѣ къ Кернеру поэтъ сообщаетъ, что послѣ многихъ совѣщаній съ Гете и по совѣту послѣдняго онъ рѣшилъ изъ „Валленштейна“ сдѣлать трилогію: „Лагерь Валленштейна“, „Пикколомини“ и „Смерть Валленштейна“. По отгмѣткѣ, сдѣланной въ записной книжкѣ поэта, видно, что онъ серьезно зашелъ за драму 22 октября 1797 г. и кончилъ ее для театра 17 марта 1799 г. т. е. въ общемъ употребилъ лишь двадцать мѣсяцевъ для написанія трехъ большихъ пьесъ.

Трилогія имѣла выдающійся успѣхъ на сценѣ. Когда, 10-го апрѣля 1799 г., въ Веймарѣ шла въ первый разъ „Смерть Валленштейна“, всѣ въ театрѣ, даже актеры, плакали. И въ войскѣ имя Шиллера сдѣлалось очень популярнымъ послѣ его новой драмы. Прусскіе офицеры устроили въ честь его пиръ. Ободренный успѣхомъ „Валленштейна“, Шиллеръ сейчасъ же принимается за трагедію „Марія Стюартъ“. Въ „Маріи Стюартъ“ поэтъ, какъ онъ самъ говоритъ, намѣревался создать трагедію на манеръ Эврипида, т. е. трагедію психологическую, гдѣ на первомъ планѣ выдвигается сила страсти.

Впервые на сценѣ „Марія Стюартъ“ шла 14 іюня 1800 г. Успѣхъ она имѣла неменьшій „Валленштейна“. Этотъ успѣхъ настолько поднялъ духъ Шиллера, что уже 1 іюля 1800 г. онъ начинаетъ работать надъ „Орлеанской Дѣвой“, 15 апрѣля слѣдующаго года трагедія была уже закончена. Къ этому времени матеріальныя дѣла Шиллера значительно поправляются. Онъ даже покупаетъ домъ.

Въ 1802 г. мы застаемъ Шиллера за „Мессинской невѣстой“, а осенью 1803 г. онъ принимается за „Вильгельма Телля“. Въ 1804 г. онъ задумываетъ трагедію „Дмитрій Самозванецъ“. Нужно думать, что Шиллеръ заинтересовался русской исторіей, благодаря Вальцогену, который ѣздилъ въ Петербургъ въ свитѣ веймарскаго наслѣднаго принца для обрученія послѣдняго съ русскою великою княжною.

Поэтъ не тотчасъ занялся новой драмой, а сперва сѣзидилъ съ семействомъ въ Берлинъ. Путешествіе Шиллера ознаменовалось цѣлымъ рядомъ триумфовъ по его адресу...

Росла слава поэта, росла и его болѣзнь. Съ каждымъ годомъ катарральныя припадки мучили его все больше и больше. Къ началу 1804 г. болѣзнь Шиллера такъ разыралась, что ни для кого не являлось сомнѣніемъ, что дни его сочтены. Однако онъ протянулъ еще до марта 1805 г. 9 марта поэтъ впалъ въ безсознательное состояніе, а къ вечеру его уже не стало.

Эпизодъ изъ области предрасудковъ. Когда Гете 1-го января 1805 г. писалъ другу похвалительныя строки, какъ-то неожиданно для него, подвернулся ему подъ перо слова: „и съ послѣднимъ Новымъ годомъ“. Гете постѣшилъ написать другое поздравленіе, но дойдя до роковой фразы съ трудомъ удержался, чтобы снова не написать того-же.

Несмотря на высокой и ясный умъ, Гете не былъ свободенъ отъ предрасудковъ...

О. В. А.

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

(Въ пути съ Мазини).

Въ субботу 9 апрѣля, ко времени отхода скорого поѣзда въ Варшаву, въ 9 ч. 30 м. вечера Варшавскій вокзалъ представлялъ оригинальное зрѣлище: группы людей разнаго возраста съ цвѣтами въ рукахъ суетились, волновались, видимо ожидая кого-то; вотъ одна группа устремила въпередъ и передаетъ букеты Линѣ Кавальери, которая такъ окружена поклонницами и поклонниками, что не имѣетъ возможности войти въ вагонъ. Часть ожидающихъ восторженно встрѣтила вѣчно улыбающагося Батистини. Но большая часть, молча, и такъ сказать, сосредоточенно стояла у спальнаго вагона, съ нетерпѣніемъ ожидая кого-то.

— А вдругъ онъ не прїѣдетъ? — сказала миловидная барышня лѣтъ 17.

— Что вы такое говорите, даже слушать досадно, — отвѣтила поклонница перерзѣлыхъ лѣтъ, — я сама видѣла билетъ на спальное купѣ.

Въ это время, не глядя ни на кого, „скорымъ шагомъ“ прошелъ въ вагонъ самъ Мазини. Всѣ поклонницы ворвались за нимъ въ вагонъ, желая ему счастливаго пути, пожимая руки, прося на память цвѣтокъ и т. п. Дивный Анжело всѣхъ благодарилъ и едва удалось упростить энтузіастокъ выйти изъ вагона, такъ какъ зазвучалъ третій звонокъ. — Пусть онъ не выходитъ! кричали съ платформы, онъ простудится! — Что вы, Марья Петровна, Бога не боитесь, зовете его къ двери! — До свиданья!

Десятки рукъ посылали привѣтствія, на которыя Мазини отвѣчалъ воздушными поцѣлуями, пока поѣздъ не вышелъ за дебаркадеръ.

Мазини выглядитъ молодцомъ, бодрымъ, веселымъ. Петербургъ онъ очень любитъ и жалѣетъ, что не засталъ морозовъ, безъ которыхъ наша столица, по его мнѣнію, теряетъ половину своей прелести. Теперь онъ ѣдетъ на нѣсколько дней въ Вѣну, оттуда въ свое имѣніе около Милана и черезъ три недѣли будетъ пѣтъ „Севильскаго цирюльника“ съ итальянской труппой Сонцоньо въ Парижѣ. Онъ заговорилъ со мною о теперешнихъ печальныхъ временахъ, и съ волненіемъ замѣтилъ: развѣ теперь время для бенефисовъ, для подарковъ, для цвѣтовъ? — Я просилъ друзей, деньги, собранныя на подарки и пр., употребить на покупку необходимыхъ вещей для солдатъ: всего собрано больше тысячи рублей, куплено 250 мѣшковъ съ бѣльемъ, табакомъ, чаемъ и пр. и я счастливъ, что это отправлено отъ моего имени; подарковъ у меня довольно; три большія залы наполнены подношеніями, надо принимать во вниманіе.

Мазини большой любитель картинъ и очень дорожитъ картиной „Гусларь“, подаренной ему К. Маковскимъ, не пропускаетъ выставокъ и крайне сожалѣлъ, что не зналъ о существованіи Музея Александра III.

Заговорилъ о прошлой итальянской оперѣ и я заинтересовался судьбой бывшихъ кумировъ, — Маріи Дюранъ, дающей въ Римѣ уроки пѣнія, Котони, который состоитъ тамъ-же профессоромъ въ Academia St. Cecilia, Сала, вышедшей въ Парижѣ замужъ за коммерсанта и т. д.

Между прочимъ, я задалъ Мазини вопросъ, кого онъ считаетъ въ Петербургѣ лучшимъ профессоромъ пѣнія. Мазини расхохотался и сказалъ, что въ Петербургѣ больше профессоровъ, чѣмъ учениковъ, съ которыми стоитъ заниматься; онъ удивляется легковѣрїю молодежи и шарлатанству такъ называемыхъ профессоровъ, въ совершенствѣ умѣющихъ брать большія деньги за увѣренія, что изъ ученика или ученицы выйдетъ знаменитость. — У насъ, — прибавилъ онъ, — шарлатановъ тоже много, но это удовольствіе, по крайней мѣрѣ, стоитъ гораздо дешевле.

Я обратилъ вниманіе на соболью шубу съ прекраснымъ бобровымъ воротникомъ и спросилъ, пользуется ли онъ ею на родинѣ.

— Конечно, — отвѣтилъ Мазини — я часто прибѣгаю къ ея услугамъ; между прочимъ, одинъ прїятель прямо назвалъ меня лгуномъ, когда я сказалъ, что шуба стоитъ 2,000 руб., а воротникъ 600 рублей, т. е. все около 7,000 лиръ. Mio caro, — расхохотался мой другъ, — перестаньте рассказывать сказки. Я не повѣрю, чтобъ человекъ, психически здоровый, заплатилъ такія деньги за шубу! Вѣдь мои соотечественники довольствуются мѣхомъ кошекъ и обезьянъ и вполне довольны.

Такъ мы бесѣдовали. Вскорѣ къ намъ въ купѣ пришелъ Наварини, въ сосѣднемъ — сидѣли Батистини и Кавальери и я предложилъ спѣтъ квартетъ изъ „Риголетто“, но не было меццо-сопрано, а Наварини не разучила партіи Маделены. Концертъ не состоялся.

Вспоминая прошлыя времена, мы доѣхали до Одерберга, гдѣ разстались, пожелавъ другъ другу счастливаго пути, а я съ своей стороны прибавилъ — и скорѣйшаго возвращенія, на что Мазини замѣтилъ:

— Я гражданинъ Петербурга.. *Театральный старожилъ.*

МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВ. ТЕАТРЪ.

„Иванъ Миронычъ“, Чирикова.

Иванъ Миронычъ (г. Лужскій).

Рис. М. Демьянова.

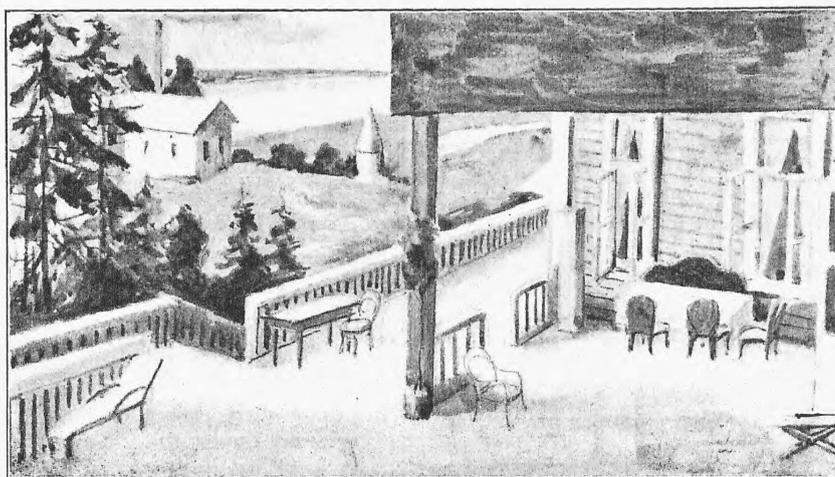
ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Нынѣшній прїѣздъ московскаго Художественнаго театра оказался особенно неудачнымъ: спектакли, хотя и посѣщаются публикою весьма усердно, такъ какъ билеты разобраны были раньше, но успѣха не имѣютъ, и критика пишетъ о театрѣ осудительно. Въ одной газетѣ я читаю: «театръ явно клонится къ упадку», въ другой: «какъ могло случиться, что въ Художественномъ театрѣ стало скучно?», въ «Сынѣ Отечества» г. Горнфельдъ пишетъ: «для театра, который сказалъ новое слово, такая постановка необъяснима» или что-то въ этомъ родѣ. Однако, для меня, который, какъ Кассандра, предрекалъ все это съ перваго прїѣзда московскаго театра, позднѣйшіе упреки критиковъ не заключаютъ никакого облегченія. Ибо то, что они теперь обнаруживаютъ разочарованіе, доказываетъ, что они были очарованы, а по моему, какъ нечѣмъ было очаровываться, такъ нечѣмъ и разочаровываться. Все какъ было, такъ и осталось. Немножко похуже стали играть одни, зато поопытнѣе стали другіе. Измѣненіе только въ одномъ: репертуаръ былъ прежде новѣе, свѣжѣе, интереснѣе. Былъ Чеховъ, котораго еще не играли, потому что не понимали (а Вл. И. Немировичъ-Данченко его понялъ, и въ этомъ сказанъ вкусъ образованнаго литератора), былъ Горькій, яркій талантъ, возбуждающій общественные, наболѣвшіе вопросы, былъ цѣлый рядъ хорошихъ пьесъ Ибсена, Гауптмана, которыя для нашей лучшей «неумитой» антрепризы являлись тарбарской грамотой. Художественный театръ своимъ репертуаромъ «умылъ» въ значительной мѣрѣ наши антрепризы и дирекціи, и это первая безспорная заслуга руководителей Художественнаго театра. Онъ показалъ воочию, что для того, чтобы претендовать на вниманіе образо-

ванной публики, театру надо самому быть образованнымъ, а актерамъ нужно уметь разбираться, еще до публики, въ новѣйшихъ литературныхъ теченіяхъ. Наконецъ, Художественный театръ поднялъ значеніе ансамбля, смыслъ котораго, къ сожалѣнію, самъ похоронилъ въ послѣдствіи. И это третья и послѣдняя его заслуга.

Но въдь все это (за исключеніемъ ансамбля, въ концѣ концовъ извращеннаго Художественнымъ театромъ), собственно, заслуги образованія, добродѣтели, ума и чужого таланта (литературнаго), а никакъ не театра. Театръ, какъ исполнительный органъ драматической литературы, что ли, былъ тутъ всегда плохой, и направленіе его исполнительности было всегда до крайности фальшиво. Публика принимала все цѣликомъ: пьесы, четвертыя стѣны, новыя литературныя теченія, новыхъ авторовъ, призывы Горькаго, разные стуки, шумы и проч., — не разбираясь въ частностяхъ. Но театральная критика, если таковая

МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

„Блудный сынъ“, С. Найденова.
Декорация 1 и 2 акта.

существуетъ отдѣльно отъ литературной (а я думаю, что ей полагается быть), должна была бы воздать Богу божеское, а кесарю кесарево, не смѣшивая хорошихъ репертуаръ и образованныхъ режиссеровъ съ плохую игрою. Ей не пришлось бы тогда испытывать такіа горькія разочарованія. Да я думаю, что не будь хора льстецовъ и довѣрчивыхъ литературныхъ критиковъ, взявшихся не за свое дѣло театральной критики, и самый Художественный театръ не сталъ бы такъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ.

Повторяю: ничего не случилось особеннаго съ Художественнымъ театромъ, кромѣ того, что пьесы играются разборомъ ниже, а штуки и фокусы постановки стали теперь общимъ мѣстомъ въ каждомъ театрѣ, и ихъ просто перестали замѣчать. Чеховъ, Горькій, Ибсенъ, Гауптманъ, почти не игранные, сдѣлали репутацію театру въ образованномъ кругу, декоративныя и бутафорскія выдумки привлекали къ нему толпу, пока это было ново и свѣжо. Такъ вотъ и танецъ серпантинъ привлекалъ зрителей, а что глупѣе, — собственно, механичнѣе этого quasi танца? Въдь это не хореографія, а простое приложеніе свѣтовыхъ эффектовъ электричества...

Вотъ г. Горнфельдъ пишетъ, что Художественный театръ сказалъ свое «новое слово». Но на-

дѣюсь, онъ не станетъ отрицать, что «новое слово» въ искусствѣ можетъ сказать только талантъ. Дузэ сказала «новое слово», Савина сказала «новое слово», и оно есть, въ цѣломъ поколѣніи актрисъ это слово слышится, въ тысячахъ подражательныхъ мелочей, Коммисаржевская сказала «новое слово» своими оригинальными интонаціями *ingénue*, Ермолова сказала «новое слово», опредѣливъ цѣлую полосу въ жизни русскаго театра, давъ свою окраску русской женщинѣ и трагическому стилю. Далматовъ, Давыдовъ, Киселевскій, Медвѣдевъ, Ивановъ-Козельскій — да мало ли найдется даровитыхъ людей, до Орленева включительно, которые своеобразіемъ своего спеническаго исполненія говорили «новыя слова»? Но кто же могъ сказать «новое слово» въ Художественномъ театрѣ? Г. Станиславскій?

Г. Станиславскій, дѣйствительно, пытался и продолжаетъ пытаться сказать «новое слово», но въ этомъ именно и несчастье Художественнаго театра. Г. Станиславскій — выдумщикъ, а не художникъ.

Онъ не сказалъ своего «новаго слова», которое говорится безсознательно, выливается изъ души всякой мощной индивидуальности, но сочинилъ его по слогамъ. И такъ же по слогамъ училъ и учитъ играть. Онъ подвергъ искусство самой оскорбительной, самой нелѣпой, самой грубой операци: расчленилъ его, препарировалъ его, — значитъ, убилъ его, значитъ, далъ намъ трупъ его. Онъ въ своихъ сценическихъ пріемахъ напомнилъ мнѣ «календарь для писателей» нѣкоего Бродовскаго, который серьезнѣйшимъ образомъ объяснялъ, какъ писать повѣсть, романъ и т. д. Расчленивъ искусство, онъ и его присные устремили все вниманіе на внѣшнія проявленія аффектовъ, страстей, чувствъ, душевныхъ движеній, а упустили главное: способность заражаться аффектами, страстями, душевными движеніями. Все, что я видѣлъ, даже въ самыхъ лучшихъ образцахъ московскаго театра, было имитацией, а не творче-

ствомъ, подогнанною машиною со множествомъ разныхъ винтиковъ и штукъ. Такъ, на первый взглядъ, словно бы живые люди по сценѣ ходятъ, а приглядитесь — механическія куклы!..

Вотъ я читалъ въ какой-то рецензіи, до чего де «тщательна» постановка: у Иванова въ кабинетѣ «Голосъ» лежитъ! Сколько труда надо было положить, чтобы додуматься до «Голоса», а потомъ еще и найти эту газету, черезъ 22 года послѣ ея закрытія! Но я скажу словами стараго французскаго маркиза: «когда вы пишете женщинѣ признаніе въ любви, чѣмъ меньше орфографіи, тѣмъ лучше, потому что если ваше письмо будетъ безъ ошибокъ, то ваша красавица можетъ заключить, что вы больше думали о грамматикѣ, нежели о ней».

Расчленяя своимъ «новымъ словомъ» искусство, г. Станиславскій создалъ тьму конкретныхъ мелочей и ни одного сверкающаго творчествомъ образа. То, что въ дѣйствительности является сущностью искусства — постиженіе «нумена» вещей, явленій — превратилось въ калейдоскопъ «феноменовъ», т. е. внѣшнихъ проявленій. Въ Художественномъ театрѣ показывали, какъ люди ѣдятъ, спятъ, разговариваютъ, морщатся, смѣются. Будто бы это и есть жизнь. А это нисколько не жизнь, но только контуры ея, случайности, мелочи. Потому что даже въ мертвой

природѣ, какъ выражается живопись, въ nature morte нужна «идея формъ» мертвой природы, а не сама мертвая природа.

Нигдѣ такъ не унизили и не опозорили сценической талантѣ, какъ въ Художественномъ театрѣ, потому что нигдѣ такъ ловко, такъ удивительно ловко не замѣнили искусства ремесломъ. Плохое искусство производить на большинство удручающее впечатлѣніе, хорошее же ремесло—наоборотъ, нравится. И я говорю, что въ Художественномъ театрѣ торговали хорошимъ ремесломъ, и соблазнили имъ «малыхъ сихъ», а соблазна бы не было, если бы здѣсь было только плохое искусство. И потому снисходительный къ плохому искусству, я возмущался этимъ прекраснымъ ремесломъ, которое грозило закрыть солнце...

Мнѣ искренно, отъ души жаль молодежь (она уже перестаетъ, впрочемъ, быть молодежью) Художественнаго театра. Развѣ мѣсто Качалову, Москвину, Леонидову, Грибунину, Бурджалову въ этомъ театрѣ? Они усыхаютъ здѣсь, подобно бесплоднымъ дѣвкамъ. Служи они въ самомъ среднемъ театрѣ, гдѣ дается 5—6 репетицій, при сколько-нибудь понимающемъ режиссерѣ, они бы уже выработались въ законченныхъ актеровъ, и, можетъ быть, иному изъ нихъ удалось бы и сказать что-нибудь вроде «новаго слова». Ихъ опьянилъ триумфъ театра, которымъ публика увлеклась. Но публика, вѣдь, вроде обольстительныхъ кавалеровъ: «поиграетъ, поиграетъ, а потомъ броситъ». Что же эти способные люди, те-

ряющіе лучшіе годы своей жизни на изученіе ухватокъ и не совершенствующіеся, а, наоборотъ, все болѣе удаляющіеся отъ искусства, будутъ дѣлать внослѣдствіи? Вѣдь это ржа—школа г. Станиславскаго, полагающая, что душа актера—пустая балаболка, и что обмануть публику внѣшнею типичностью и внѣшнимъ сходствомъ—значитъ, сыграть роль. И мнѣ хочется сказать всѣмъ этимъ милымъ, способнымъ, добросовѣстнымъ, образованнымъ актерамъ: бѣгите отсюда, пока не поздно! бѣгите изъ театра, гдѣ торчатъ грубые идолы, гдѣ не знаютъ потрясеній, гдѣ молчатъ завѣтные трепеты души, гдѣ всячески замораживается темпераментъ, гдѣ никогда талантъ не празднуетъ своей оргіи! Возьмите съ собою кое-что изъ багажа этого театра—его вдумчивость, его трудолюбіе, его связь съ литературою,—но оставьте его холодъ, ищите бури, рвите свое сердце, отдавайтесь порывамъ, и вы еще

спасете себя для художественной благодати...

Нѣтъ, ничего не случилось въ этотъ пріѣздъ съ Художественнымъ театромъ, кромѣ того, что не нашлось пьесъ, подходящихъ къ формамъ его сценическаго ремесла, и еще того, что выдумки г. Станиславскаго, его натуралистическія подчеркиванія, номера «Голоса» и т. п. чепуха (потому что въ искусствѣ это именно чепуха) примелькались, и публика уже слѣдитъ за нимъ разсѣяннымъ взглядомъ. «Ивановъ» былъ поставленъ такъ же, какъ ставились другія пьесы, но самый «Ивановъ» написанъ Чеховымъ по старымъ театральнымъ образ-

„ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ“.

„Мнимый больной“, Мольера.

Анжелика (г-жа Казина).

Рис. М. Слѣпана.

цамъ, и изобилуетъ сильными сценическими положеніями. Тутъ Художественный театръ говоритъ «пассъ!»—и упускаетъ игру изъ рукъ, и это уже замѣтно даже для неучившихся въ семинаріи. Всѣ прежнія средства, всѣ обычные приемы были пущены въ ходъ: Шабельскій говоритъ Лебедеву — «Экъ, ты носъ насандалил!», что значитъ, пьянъ. Голкуя выраженіе буквально, г. Лужскій намазалъ сандаломъ кончикъ носа до фіолетоваго оттѣнка. Исходя изъ того же пункта, онъ говорилъ не своимъ голосомъ, какимъ-то брюшнымъ «сипотономъ». Вышелъ, въ общемъ, староста Дергуновъ, а не племянникъ «гсгеліанца». Шабельскій говоритъ Иванову: «можно взять твою соломенную шляпу?» Г. Станиславскій отсюда заключилъ, что Шабельскій все носитъ съ Ивановскаго плеча, и потому щеголяетъ въ кургузыхъ штанахъ, визиткахъ и фраккахъ. Шабельскому

65 лѣтъ—поэтому онъ превращенъ въ развалину, и еле передвигаетъ ногами. Все утрировано для достиженія возможной характерности. Г. Москвинъ въ Москвѣ, говорятъ, заикался, здѣсь-же только иногда затруднялся въ рѣчи. Уступка, которую нельзя не цѣнить! Но думая о томъ, заика или не заика докторъ Львовъ, г. Москвинъ не думалъ о томъ, что «22—торги», по выраженію Лопухина, что у Львова «бездарно-честная» душа, которую слѣдуетъ проявить не въ паѳосѣ, а въ бездарно-честномъ, догматическо-несносномъ тонѣ. Г-жа Книпперъ—Сара... Я помню, послѣ 16 или 17 лѣтъ, глаза Стрепетовой въ этой роли. Я никогда не былъ особеннымъ поклонникомъ сценическихъ формъ Стрепетовой, но я не знаю, куда мнѣ укрыться отъ глазъ ея. Гдѣ же были глаза г-жи Книпперъ? Гдѣ была душа Сары? Гдѣ скорбь ея? Гдѣ этотъ мучительный надрывъ, кровавая рана, пустая

легочная каверна, когда дышать нечѣмъ, а жить хочется—хочется такъ страстно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ злобно? А г. Качаловъ... Знаеть-ли г. Качаловъ, что самая лучшая роль его въ этомъ театрѣ была первая роль его? Роль молодого князя въ пьесѣ «Въ мечтахъ»? Молодой резонеръ, г. Качаловъ либо притворяется по указаніямъ г. Станиславскаго (баронъ въ «На днѣ»), либо изнемогаетъ, какъ въ Ивановѣ, подъ бременемъ совершенно или мало подходящихъ ролей. Между тѣмъ изъ г. Качалова, при постепенномъ расширеніи его резонерскаго амплу, могъ бы, конечно, выработаться первоклассный актеръ. Но для этого ему нужно уйти изъ Художественнаго театра.

Я не буду говорить объ остальныхъ—о всей этой шеренгѣ шаркающихъ и шамкающихъ, гнусавящихъ и пришепетывающихъ, подмигивающихъ и подчеркивающихъ исполнителей. Было похоже на кунсткамеру, и это вдругъ теперь всѣ замѣтили. Ну, а развѣ, напримѣръ, въ «Геншелѣ» не было такой же кунсткамеры?

Нѣтъ, ничего не измѣнилось въ Художественномъ театрѣ. Играй тамъ «Ивана Мироныча» три года назадъ, безъ сравненія съ постановкою въ другомъ театрѣ, когда павильоны новыхъ разрѣзовъ еще казались «откровеніемъ» и виѣшняя характерность ухватки принималась за художественную истину, спектакль, по всей вѣроятности, произвелъ бы совсѣмъ другое впечатлѣніе. Но перевидавъ уже на сценѣ этого театра столько окающихъ, цокающихъ, покачивающихся и извивающихся, косноязычныхъ и и козлогласныхъ, — зритель уже не находилъ ничего необычнаго въ томъ, что г. Лужскій въ роли Ивана Мироныча говорилъ на Ѳ и кашлялъ на особый манеръ, исходя изъ того безспорнаго положенія, что въ первомъ актѣ Иванъ Миронычъ плюетъ въ плевательницу. Плюетъ,—значитъ, отхаркивается—значитъ, кашляетъ. Совершенно вѣрно. Но кому и для чего это нужно?

Нѣтъ, тутъ ничему не научились и ничего не позабыли. Не научились цѣнить природу и физическія формы ея проявленія лишь на столько, на сколько это необходимо, чтобы въ конкретныхъ границахъ удержать «сосудъ духа». Не позабыли наклеивать ярлычки, замѣняя ими характеристики. И по прежнему, особенно въ лицѣ главныхъ «столповъ» театра, гг. Станиславскаго и Лужскаго, напоминаютъ своими «характеристиками» указанія скаковыхъ афишъ, вродѣ того, что на «Милордѣ» скачетъ жокей въ оранжевой шапочкѣ, съ зелеными рукавами, а на «Лэди Кэръ»—конюшенный мальчикъ, камзолъ синій, рукава красные. Еще до выхода «на прямую» видишь, такимъ образомъ, какіе скачутъ рукава и камзолы.

Отмѣчу исполненіе г. Леонидовымъ роли Боркина. Онъ игралъ такъ, какъ будто игралъ въ театрѣ Соловцова, и потому игралъ хорошо. Способная молодежь есть: г-жи Гельцеръ, Литовцева и др. Но что же будетъ дальше? Неужели ей не страшно служить въ театрѣ, гдѣ актеръ, кончившій школу, сидитъ цѣлый актъ на сценѣ, для того, чтобы потушить свѣчку самымъ жизненнымъ образомъ, т. е. сначала пять разъ подуть, а потомъ потушить? Можетъ быть, это очень хороший «продажный товаръ» для театра, но актеру-то какое же здѣсь утѣшеніе?

О многомъ другомъ въ слѣдующій разъ. Пора, наконецъ, открыть глаза актерамъ на «хмару», которая идетъ на нихъ. Они не имѣютъ успѣха, и пусть на почвѣ ихъ недовольства возрастутъ сѣмена самокритики и самостоятельной мысли.

А. Кугель.

ОНА НА СЦЕНѢ.

Говорятъ объ актерскомъ перепроизводствѣ. Говорятъ также и о «залежахъ».

Перепроизводство или только актерскія залежи—въ концѣ-концовъ развѣ это не все равно? И то и другое—явленія не случайныя, а вызваны къ жизни длиннымъ рядомъ причинъ такихъ своеобразныхъ, странныхъ и разнородныхъ, что ихъ трудно охватить взглядомъ разсѣяннаго наблюдателя.

Изъ разныхъ уголковъ обширной Россіи появляются люди, летящіе на огонь рампы, какъ морскія птицы летятъ на маякъ.

И, какъ морскія птицы, многіе изъ нихъ ударяются грудью о стекло маяка—прозрачное, незамѣчаемое, но крѣпкое стекло, стоящее преградой, и гибнуть во мракѣ.

Въ толпѣ непристроившихся актеровъ «безъ ангажемента» тоже очень различныя элементы. Было бы несправедливо подозрѣвать только ихъ бездарность, или только ихъ неумѣніе приспособляться, проходить въ двери, отпирающіяся для другихъ.

Къ сценѣ, ради ея кажущейся веселой, яркой, искристой и оргіастической жизни, стремятся и тѣ, которые призваны, и тѣ, которые тамъ совершенно лишни.

А еще больше тѣ, что лишни въ жизни.

Вы ее, конечно, видѣли. Помнили два-три дня, а потомъ забыли. Есть такія лица, которыя трудно запомнить. Незамѣтныя лица вечернихъ сумерекъ, лица распространенныя, какъ трава, какъ ситцевыя занавѣски.

Ей двадцать девять лѣтъ, она прекрасно сохранилась. Подъ скромнымъ чернымъ платьемъ угадывается молодость еще неизжитыхъ движеній. Но уже тронуты первымъ дыханіемъ надвигающейся осени грустные, нехарактерныя глаза и кисти нѣжныхъ рукъ.

Случайно въ обществѣ, гдѣ неимоვნю скучно и гдѣ двѣ очень полныя и очень рыжія дѣвушки должны съ минуты на минуту разыграть какую-то фортепианную кашу—васъ представляютъ.

— Мы знакомы, говоритъ она, протягивая руку, и приводитъ васъ въ явное смущеніе.

Чтобы загладить свое невниманіе, разсѣянность, вы становитесь любезнымъ, разговорчивымъ, съ особымъ ядомъ вѣжливой сплетни говорите про своихъ знакомыхъ, прото, что у пріятели жена сбѣжала съ бухгалтеромъ банка,—и отлично сдѣлала.

И вдругъ, Богъ вѣсть почему, проникаетесь увѣренностью, что передъ вами существо изстрадавшееся, обманутое, одинокое и молчаливо несущее свое горе, какъ скрытый трауръ.

Вы провожаете ее домой куда-нибудь на Пески или въ линіи Васильевскаго острова. Она сидитъ въ саняхъ строго и красиво; снѣжинки, крутящіяся въ воздухѣ, падаютъ ей на рѣсницы и долго не таютъ.

Къ себѣ домой вы попадаете очень поздно.

Несчастное замужество, разбитая жизнь, вмѣсто семейнаго очага—ремингтонъ или дешевые переводы по восемь рублей съ листа. Гдѣ-то тамъ, въ провинціи, — дѣвочка, воспитывающаяся у родственницы мужа. Братъ, который приходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ и что-то говоритъ о Спенсерѣ тягучее, ненужное. Впрочемъ, денегъ не проситъ, но насвистываетъ и фальшиво.

А на плечахъ молодое тѣло, двадцать девять лѣтъ

неизжитыхъ, не использованныхъ, молодое сердце и страхъ и боязнь надвигающагося увяданія.

Осадокъ жизни легъ на самое дно, пропиталъ сердце амальгамой горя, отразился въ грустныхъ глазахъ, отложился въ кистяхъ и пальцахъ нѣжныхъ блѣдныхъ рукъ.

И каждый разъ, при малѣйшемъ поводѣ, однажды натянутыя струны звенятъ и колеблются, откликаются задушевнымъ и сдвоеннымъ эхомъ на чужое страданіе, на искренно и глубоко сказанное слово, на проявленіе красоты, на смутный голосъ великаго и всегда торжественнаго искусства.

Къ пониманію красотъ искусства ваша знакомая приходитъ черезъ школу пережитыхъ страданій. Это быстрая школа, жестокая, суровая школа...

Путь къ искусству часто лежитъ черезъ страданія. Такова прямая теорема. Но несправедлива обратная, потому что есть мертвое не рождающее, непродуктивное страданіе, которое, стѣвъ сердце, какъ червякъ съѣдаетъ зерно гороха, остается внутри и тамъ умираетъ тоже, какъ червякъ.

Среди толпы артистокъ тѣхъ, что главнымъ образомъ образуютъ цифру перепроизводства, очень много такихъ, что пришли къ искусству только потому, что отъ нихъ отошла жизнь.

Метерлинкъ, этотъ великій пѣвецъ молчанія, однако, говоритъ и предостерегаетъ, что есть пустя, мертвыя минуты молчанія. Подобно этому есть и пустя, мертвыя минуты страданія. Не надо обманывать себя: такихъ минутъ гораздо больше, чѣмъ тѣхъ, что изъ страданія рождаютъ искусство.

Въ бѣдныхъ, измученныхъ, истрадавшихся сердцахъ нѣтъ ничего, кромѣ раны, слегка затянутой пленкой успокоенія. Люди приходятъ на сцену и хотятъ дать все, все свое пережитое страданіе, медленную и продолжительную муку одиночества, всѣ разбитыя мечты, всю нескладную, безтолковую, сѣрую, ненужную жизнь свою.

Но мертва жертва. Не огнемъ вдохновенія, гордо вздымающимся къ небу, пылаетъ жертвенникъ, а даетъ густой, черный дымъ, растилающийся по землѣ, какъ черный крепъ траура въ безвѣтренную погоду, какъ печальное и ненужное, негрѣющее покрывало.

Здѣсь на алтарь искусства приносится все, все цѣликомъ.

И потому, что все, этого—мало.

Въ нѣдрахъ человѣческой души талантъ, дарованіе страннымъ образомъ сочетается со страданіемъ. Одно порождаетъ другое. Одно близко другому.

Говорятъ, что артисту для изображенія страданій необходимо ихъ пережить. Да, пережить, но не жить ими, не давать вмѣсто колокола, призывающаго въ храмъ искусства, грустный голосъ печальной пѣсни жизни.

Настоящее, неподдѣльное живое страданіе, которое чаще всего приносить съ собой на сцену женщина, *не нужно искусству*. Больше того: оно вредно *искусству*. Потому что сцена въ своихъ задачахъ гораздо дальше удалена отъ жизни, чѣмъ жизнь отъ своего идеальнаго воплощенія.

Притоками свѣжаго воздуха, откуда-то принесеннаго благодарнымъ воздухомъ, освящается страданіе и созрѣваетъ для искусства, становится достойнымъ его благословенія.

Но воздуху большей частью неоткуда взяться. Тяжелая сѣрая туча, разрѣшающаяся мелкимъ дождемъ, виситъ надъ землей и давитъ душу, туманомъ окутываетъ далекій горизонтъ русскихъ полей.

Сѣрой птицей бьется жизнь раненая, но живущая, не имѣющая силы умереть.

И вотъ отъ подобной жизни бѣгутъ на сцену. О! она дастъ успокоеніе, разрѣшитъ всѣ загадки, освѣтитъ душу, обновитъ и вознесетъ!

Такъ мечтаетъ ваша знакомая съ блѣднымъ увядающимъ лицомъ и страдающими пальцами.

Черезъ годъ или три, сидя въ плохонькомъ театрѣ и смотря неинтересную, унылую и съ потугами на остроуміе пьесу, вдругъ на сценѣ узнаете ее. Вамъ кажется, что это она. Ея походка, ея печать фальшивой удивленности на лицѣ, ея красивыя и блекнуція руки, свисающія искусственно-небрежно вдоль очень изящнаго и дорогого платья.

Но обычно блѣдное лицо густо и неумѣло подермянено, подрисованы брови, покрашены уши, къ которымъ привѣшаны брилліанты можетъ быть отъ Тета, а можетъ быть отъ... tête-a-tête'a.

Вы ждете, чтобы она заговорила и тѣмъ разсѣла ваши сомнѣнія. Но она молчитъ, беззвучно смѣется и во все дѣйствіе не произносить ни одного слова, не издаетъ ни звука.

Въ антрактѣ вы отправляетесь за кулисы. На дверяхъ уборной вмѣстѣ съ шестью другими фамилиями вы прочитываете и ея—слегка измѣненную въ виду сценическихъ требованій. Потому что она выходитъ съ оголенными плечами, нарумяненная и не смущаясь подаетъ вамъ руку.

Да, она на сценѣ. Давно? Да, уже второй годъ. Намѣрена посвятить себя искусству? Да, это ея мечта. Ея роли? Она пока не играетъ ролей, она статиска, «гостя безъ словъ», «толпа», «народъ», «русская баба» и проч. Но она сыграетъ,—о, да!—Офелію въ любительскомъ спектаклѣ, Катерину для благотворительныхъ цѣлей. Иванъ Эдуардовичъ говоритъ, что... Кто такой Иванъ Эдуардовичъ? Иванъ Эдуардовичъ, это... это... это во всякомъ случаѣ человекъ почтенный. Онъ любитъ искусство, хотя однимъ глазомъ. Потому что второй потерялъ на дуэли.

И вамъ становится ясно, такъ какъ будто она это рассказала, что Иванъ Эдуардовичъ, старикъ и калѣка сшилъ ей это и еще другое и третье платье, что на сцену ее взяла только ради туалета и что она знала это, и, зная, пошла къ Ивану Эдуардовичу...

Она заплатила за свои платья; она ихъ купила для того, чтобы придти къ искусству, уйти отъ жизни.

И еще больше и глубже погрузилась въ болото жизни, еще дальше стала искусству.

Перепроизводство актеровъ и особенно актрисъ есть результатъ не малаго количества антрепризъ, а большаго количества страданій.

Перепроизводство жрецовъ искусства есть перепроизводство страданій. Его поистинѣ у насъ слишкомъ много...

Оно поражаетъ не съ одинаковой силой и не съ одинаковыми послѣдствіями мужчинъ и женщинъ.

Безпомощныя и менѣ приспособленныя къ экономическимъ условіямъ суровой жизни женщины являютъ собою печальный элементъ въ кадрахъ служителей искусства.

Не свою молодость, не радость и озареніе несутъ онѣ съ собой—это отдано или грубо взято жизнью,—а пережитое и незабываемое страданіе. Онѣ приходятъ на сцену, въ редакціи газетъ, въ мастерскія художниковъ надломленная жизнью, съ туалетами отъ Ивана Эдуардовича и несутъ на алтарь боговъ свое сердце, глубоко и часто несправедливо раненое.

И большею частью ненужна ихъ жертва, и глухо звучитъ среди высокихъ и радостныхъ потолковъ храма ихъ слабый голосъ: онѣ идутъ въ хвостѣ искусства, нагоняютъ, спѣшатъ за музой и все спотыкаются, все падаютъ...

Ахъ! уменьшите ихъ страданія, и вы уменьшите перепроизводство женскихъ артистическихъ силъ— по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи.

О. ДЫМОВЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОДЕССА. Великопостный сезонъ, не отличавшійся особымъ оживленіемъ, закончился, и мы теперь въ ожиданіи сезона лѣтняго. Что у насъ будетъ лѣтомъ, еще не выяснено. Известно только, что г. Долиновъ дастъ въ Горонскомъ театрѣ спектаклей двѣнадцать или пятнадцать. Заработаетъ ли онъ на этомъ, сказать трудно; но великопостный сезонъ онъ закончилъ въ ничью. Дѣло велось весьма добросовѣстно; репертуаръ былъ вполне приличный и даже интересный. Особенное вниманіе хотѣлось бы обратить на пьесу Бара „Мастеръ“. Въ современномъ репертуарѣ, пьеса эта выдѣляется. Между прочимъ, она имѣетъ много общаго съ интересною и умною пьесой А. Додэ „Борьба за существованіе“. Поль Астье и Кай Доръ, несмотря на разныя проявленія ихъ фактическихъ дѣйствій, являются въ морально-психологическомъ отношеніи фигурами вполне аналогичными и оба они глубоко интересны, какъ показатели завоеваній, сдѣланныхъ въ современной морали нищенской индивидуалистической доктринѣ.

Значительный общественный интересъ представляетъ новый курсъ, принятый нашимъ попечительствомъ о народной трезвости, которое рѣшило сжечь старые корабли, уничтожить старый режимъ, созданный покойнымъ предсѣдателемъ д-ромъ медицины и помощникомъ градоначальника В. П. Старковымъ. Комиссія рѣшила создать приличную труппу и обратиться къ серьезному, имѣющему воспитательно-просвѣтительное значеніе, репертуару. А главное, комиссія „признала“ печать. Она прислушивается къ ея голосу, отвѣчаетъ ей и, кажется, намѣрена предоставить ей право критики, о чемъ при В. П. Старковѣ нельзя было и мечтать. Покойный прямо заявлялъ, что ему для „его“ театра никакой критики не нужно. Но это было неискренно. Покойный не хотѣлъ только критики отрицательной. Доказательствомъ можетъ служить маленький диалогъ, имѣвшій мѣсто между нимъ и мною года три тому назадъ.

Зная меня, какъ строго театральнаго критика, В. П., остановилъ меня однажды въ фойѣ городского театра и покровительственно сказалъ:

— Отчего же это вы, батюшка, не посѣщаете насъ и ничего не напишите?..

Я имѣлъ большое основаніе смутиться этимъ вопросомъ, такъ какъ я два—три раза дѣлалъ попытки поговорить въ печати о „трезвости“, но „попытки“ мои возвращались съ знакомъ полного уничтоженія.

Подумавши немного, я отвѣтилъ:

— Боюсь, ваше пр—во, что вы не одобрите моихъ писаній.

В. П. сдѣлалъ кривую улыбку.

— Что же, продолжалъ В. П., неужели у меня ни одного порядочнаго актера нѣтъ?..

— Не въ актерахъ еще все дѣло, ваше пр—во; да, признать, и актеры...

В. П. не далъ мнѣ окончить:

— Такъ по вашему, и порядки наши вамъ не нравятся?..

Слова: „порядки“, „не нравятся“ произвели на меня тогда довольно сильное впечатлѣніе.

— Не порядки, ваше пр—во, воспѣшилъ я отвѣтить, а система... въ художественномъ отношеніи...

Но В. П. рѣзко закончилъ разговоръ, замѣтивъ:

— И хорошо дѣлаете, что не пишете.

Такъ я до сихъ поръ и продолжалъ „хорошо дѣлать“.

Теперь, кажется, можно будетъ перестать „хорошо дѣлать“.

Л. Т—кий.

ХАРБИНЪ. Театральная жизнь въ Харбинѣ почти не измѣнилась. Въ собраніи тотъ же Арнольдовъ продолжаетъ свою антрепренерскую дѣятельность, попрежнему дѣлаетъ большія дѣла циркъ Боровскаго. На лѣто общественный садъ и театръ сняты г. Арнольдовымъ, но съ какой труппой онъ останется неизвѣстно, такъ какъ, по слухамъ, часть его полуопереточной труппы, въ виду тревожнаго времени, намѣрена покинуть Харбинъ. А новыхъ артистовъ г. Арнольдову врядъ ли придется завербовать.

Прѣхавшіе артисты изъ Тѣлина изъ труппы Сѣверской-Синулиной, хотѣли было обосноваться въ Харбинѣ, но почему-то не рѣшились, и нѣкоторые поступили къ г. Мирославскому—на лѣтній сезонъ въ Читѣ.

Итакъ, монополия „работы“ г. Арнольдова снова будетъ дѣйствовать и харбинцы волей неволею должны будутъ довольствоваться тѣмъ, что будутъ подносить ей опереточные артисты труппы г. Арнольдова.

И. Милл—н.

М. СМѢЛА, Киевской губ. Черкаскаго уѣзда 19 декабря 1904 г. состоялось открытіе Народнаго Дома, построеннаго на средства, собранныя съ членскихъ взносовъ Киевскаго общества грамотности и добровольныхъ пожертвованій. Инициатива постройки Народнаго Дома принадлежитъ одному изъ членовъ распорядительной комиссіи инженеру Б. И. Кондратьеву. Народный Домъ представляетъ собою деревянное зданіе съ двойными шелевочными обитыми войлокомъ стѣнками, печнымъ отопленіемъ и ацетиленовымъ освѣщеніемъ. Зданіе приспособлено на 400 мѣстъ для сидѣній и 200 для входа. Сцена 6×5 саж., декоративная обстановка кулисна 4-хъ смѣнная. Полный сборъ, при цѣнахъ отъ 70 коп. до 5 коп. входъ, 125 руб. Спектакли ставятся кружкомъ любителей сценическаго искусства ст. Бобринская, подъ отвѣтственнымъ распорядительствомъ г. Кондратьева. Кружокъ состоитъ изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ ст. Бобринская въ числѣ 23 человекъ. Преимущественно ставятся малорусскія пьесы, 1 разъ въ недѣлю. Для открытія была поставлена пьеса „Безталанна“ соч. Карпенко-Караго и до настоящаго времени прошли слѣдующія: „Борцы за мрію“ 2 раза, „Пошлысь у дурни“ 2 раза, „Сватанія на Гончаривцѣ“, „Деньщикъ Шельменко“, „Катерина“, „Женитьба“ Гоголя, „Веселый день“, „Наталка Полтавка“, „Школьная пара“, „Деньщикъ подвель“ и др. Сборы всегда полные и много желающихъ возвращается домой за неимѣніемъ билетовъ въ кассѣ. Дабы дать возможность видѣть всѣмъ поставленную пьесу, ставятъ таковыя 2 раза подъ рядъ. Главный контингентъ публики—рабочіе, мастеровъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и сахарныхъ заводовъ гр. Бобринскихъ. Какъ видно, здѣсь давно назрѣла потребность разумныхъ развлеченій въ рабочемъ классѣ. Кромѣ спектаклей въ Народномъ Домѣ устраиваются по средамъ научныя лекціи, а по воскресеньямъ—общедоступныя чтенія, сопровождаемыя картинами посредствомъ волшебнаго фонаря. Нельзя не выразить глубокой признательности г. Кондратьеву за его труды и ту пользу нашему уголку, которую приноситъ такое учрежденіе, какимъ является Народный Домъ.

А. Каспелин.

ИРКУТСКЪ. Наша Дума еще разъ доказала, какъ мало она интересуется тѣмъ, какъ будетъ поставлено дѣло въ городскомъ театрѣ. Послѣ побѣга антрепренера Вольскаго снова возникъ вопросъ, кому отдать нашъ театръ на слѣдующее трелѣтіе. И, о ужасъ! Дирекція постановила большинствомъ голосовъ (два голоса противъ) сдать театръ Кравченкѣ, думая утвердила это рѣшеніе. Кравченкѣ, тому самому, за котораго два мѣсяца тому назадъ, при баллотировкѣ 6-ти антрепренеровъ, было въ думѣ подано лишь 2 голоса изъ 28 и противъ котораго дирекція тогда высказалась единогласно; тому самому Кравченкѣ, котораго три года тому назадъ дирекція водворила изъ театра за невозможно плохое веденіе дѣла, особенно въ послѣдній годъ его антрепризы, когда онъ далъ изъ рукъ вонъ плохую драму; тому самому Кравченкѣ, объ антрепренерствѣ котораго въ Перми нелестныя корреспонденціи „Театра и Искусства“ читалась вслухъ въ думскомъ засѣданіи!

Что случилось, какая бабушка поворожила Кравченкѣ—не знаю. Какой-то злой рокъ, преслѣдуетъ нашъ театр! Точно будто нѣтъ намъ выхода изъ этого круга (circulus vitiosus), созданнаго Вольскимъ и Кравченко! Эти два маленькія антрепренера уже чуть не второе десятилѣтіе, какъ кошмаръ, даютъ Иркутскѣ. Но за Вольскимъ была та заслуга, что онъ, хотя на чужой счетъ, велъ театральное дѣло широко и не скраденничалъ. Кравченко вель дѣло такъ прижимисто, что при немъ ни разу не было хорошей труппы.

Единственная надежда на конкуренцію оперетки въ Собраніи, куда она будетъ привезена г-жей Свѣтловой, вмѣсто предполагавшей тамъ драмы, такъ какъ Кравченко привезетъ драму. Поживемъ—все увидимъ!

Иркутянинъ.

БѢЛОСТОКЪ. 27 и 28 марта въ театрѣ „Гармония“ состоялись два гастрольныхъ спектакля труппы Е. А. Вѣляева, при участіи артистовъ Императорскихъ театровъ гг. А. А. Яблочниной, В. П. Далматова и С. И. Яковлева. Первый спектакль „Крылья связаны“ прошелъ съ большимъ успѣхомъ.

Второй и прощальной гастрелью шла драма въ 3 дѣйств., соч. Бракко „Тяжелый крестъ“ (пер. Коломнина), предоставленная, какъ значилось на афишахъ, въ исключительное пользованіе г. Далматова.

Въ заключеніе, при участіи г. Яковлева, разыгранъ былъ довольно веселенькій этюдъ въ 1 дѣйств. „Великая тайна“, соч. Тихонова.

И. Миклушинъ.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

АДРЕСНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Артисты драматическ. театровъ:

Азаресъ, Анат. Аполдн., Ст. Крестникова, Нижег. ж. д., соб. имѣніе „Осинки“.

Адельгеймъ, Эр., турнѣ Вр. Адельгеймъ.

Андреева, Авр. Эд., Псковъ, лѣтній театръ.

Архиповъ, Влад. Павл., Москва, Вюре.

Арцыбашева, Спб., Гончарная, 11, кв. 49.

Баратковъ, Пав. Григ. Спб., Мойка, 61, кв. 54. меб. комн. Мужина.

Бережной, Конст. Тимоф. (хар. роли, ком., быв. реж. Василеостр. театр.), Спб. В. О., 15 линия, 80, кв. 12.

Большаковъ, Маргар. Ив., Брянскъ, Орл. губ., театръ.

Боярский (фатъ), В. И. Спб., 3-я Рождественская, 14, кв. 25.

Былъевъ, Евг. Абр. Спб., Английскій пр., 20.

Воловская, Соф., Феликсовъ, Спб., Фонтанка, 56, кв. 67.

Гединъ, Ив. Ив., Москва, Кожевники, Иванова, фабрика Михайлова.

Германъ, Евг. Ив., (суфл.), Киевъ, театръ „Соловьевъ“.

Гинюловъ, Никиф. Полк., Спб., Знаменская, 5, кв. 6.

Горцова-Короткова, (ком. стар.), Спб., В. О., 1-я линия, 40, кв. 18.

Дара-Владимировъ, Дм. Павл., ст. Подсолнечная, Ник. ж. д., фабрика Прохорова.

Демилъ (Дандевиль), Мих. Викт., Спб. Нар. домъ.

Долгинъ, Ефимъ Мих. (антрепр.), Архангельскъ, гор. театръ.

Евдокимовъ, Вас. Феокт., Спб., В. Флоревск., 24/25, кв. 32.

Ерлановъ, Вас. Яковл., Спб. В. О., 18 линия, 7, кв. 16.

Зичи, В. Н. (ing. com. и др.), Проскуровъ, Под-губ.

Карамазовъ, Дм. Мих., Ст. Академическая, Ник. ж. д., имѣн. Лялино.

Каренина, Ан. Дм. (ком. стар.), Харьковъ, Дегтарная ул., д. № 15.

Клеопатра-Лебедева Ал-ра Ив. (молод. гер. и харак.), Москва, В. Икманка, д. Сосырева, кв. 6.

Климовская, Елиз. Евг. (др. и ком. стар. и бытов.), Мариамполь, Сув. губ., III Донской полкъ.

Кривошея, А. I. Козелецъ, Черниг. губ., д. Зехлинской.

Крицковъ, Влад. Ник., Умань, Гор. театръ.

Ланинъ, С. Я. (суфлеръ), Спб., Фонтанка, 52, кв. 45.

Леонтьевъ, Лев. Абр., (администр. по устр. опект.), Спб., М. Мастерская, 11, кв. 66.

Мальский, Ник. Петр. Спб., Кабинетская, 17.

Морозовъ, Евг. Григ., (хар., ком.-рез.), Спб. В. О., 18 линия, 11, кв. 29.

Мячина, Мих. Петр. Спб., Загородный, 12, кв. 38.

Наташская, Соф. Григ. Спб., Морская ул., 18.

Николаевскій-Федоровъ, Ник. Фед., турнѣ Вр. Адельгеймъ.

Поповъ-Старинъ, И. П., Спб., Невскій 74, кв. 92.

Полонинъ, Ник. Ник., Москва, Вюре.

Радолицъ (Долгинъ), Фед. Вас., Рыбинскъ, Перв. Драмаг. Передвижной театръ.

Рамазановъ, В. В., Псковъ, лѣтній театръ.

Ротшильдъ, Илья Кондр., Москва, Тверская, 68, „Англия“, № 3.

Рене, А. Ф. (ing. dr. и com.). Спб., 3-я Рожд. 14, кв. 25.

Рославлевъ, Бор. А-др., реж. „Молод. театр.“ (гер. и хар. рол.), Спб., Пески, 9 ул., 21, кв. 6.

Савуровъ, Спм. Фед. Москва, М. Дмитровка, 31.

Севодина-Варшавская, Мар. Ив., Спб. Фонтанка, 102, кв. 6.

Соловьевскій, Ал-дръ Ник., Новочеркасскъ, Аксайская, 7.

Сотниковъ-Винограденскій, Петр. Ник., Спб., Моховая, 30, кв. 19.

Судбининъ, Могилевъ, Под. губ. театръ.

Сувловъ-Соловьевскій, Ив. Дм., Спб. Литейный, 60, кв. 12.

Тобольскъ-Еленинъ, Конст. Ал-др. (др. резон.) Тюмень, Тоб. губ.

Трефиловъ, Серг. А-др. (реж. Зоол. сада) Спб., Кр. Остр. Константиньковка, 4.

Хворостовъ, Ив. Алексѣевъ, Спб., Николаевская, 57.

Цыганко, (ком.-рез. декор.) Пав. Вас. Харьковъ, Дегтарная ул., д. № 15.

Шабельскій, Адр. Вас. (др. комьек.), Спб., Кр. Остр., Константин пр., 11/м, кв. 3.

Шумовъ, Ник. Гр. Невскій, 79, мебл. комн. „Кербуръ“.

Щелова, Фан. Ив., (ком. и др. стар.), Оренбургъ, Петровск. ул., д. Наваровыхъ, фотография Кузюкина.

Яблочникова, Под. Спирид. Спб., Загород., 14, кв. 7.

Яковлевъ, Корр. Ник., Спб., Ивановская, 5.

Якушевъ, Петр. Семен. (Админ., передъ въ поѣздъ, управл. театр.), Харьковъ, Пушкинская, 20.

Оперные артисты:

Варнина (басъ), Серг. Дм., Спб., Мѣшанская, 27, кв. 18.

Ерлановъ, Ант. Степ. (баритонъ), Спб., Никольскій пер., д. 4.

Шараповъ (басъ), Ив. Аг., Спб., Пет. ст. В. Гребенская, 13, кв. 5.

Открытая сцена, дивертисментъ:

Денъ, Роб. Ив. (шестидѣлит.), Спб., Нар. домъ.

Омбо, Авт. Авт. (шестидѣлит. и вальсовоном.), Спб., Выбурск. стор., Самсоневск. пр., 23, кв. 16.

Филипповъ (Вибъ-Вобъ), Ник. Як. (муз. экск. и пантомим.), Спб., Кронверскій пр., 47/1, кв. 24.

Александровъ, Ген. Варл. (театр. парком.), Спб. Кровверскій, 61.

Омичевъ, Фед. Вас., Спб., В. Конш., 15, кв. 14.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ДРАМА. Зимній сезонъ 1905—6 г.г. Архангельскъ (г. Долинъ), Астрахань (г-жа Полякова и г. Дьяконовъ), Баку (г. Никулинъ), Вильна (г. Дуванъ-Торцовъ), Витебскъ (г. Палъи), Вологда (г. Медвѣдевъ), Воронежъ (г. Струйскій), Владикавказъ (г. Коралли-Торцовъ), Гельсингфорсъ (г. Трефиловъ), Гродно (г. Викторовъ), Двинскъ (жельзнодорожная дирекція), Екатеринбургъ съ Рождества (г. Строевъ), Екатеринбургъ (г. Никополю), Елецъ (г. Панормовъ), Елисаветградъ (г-жа Нравина), Иркутскъ (въ городскомъ театрѣ—товарищество г. Каширина, въ общественномъ собраніи—г. Свѣтловъ), Казань и Саратовъ (г. Соболищниковъ-Самаринъ), Калуга (г. Кручининъ), Кишиневъ (гг. Леоновъ и Флоровскій), Киевъ (въ городскомъ театрѣ—г. Бородай, въ театрѣ грамотности—г. Дуванъ-Торцовъ, въ театрѣ Соловцова—г-жа Глѣбова), Козловъ (г. Алмазовъ), Кострома (г. Васильевъ), Красноярскъ (г. Каширинъ), Курскъ (г. Погуляевъ), Николаевъ (г. Васмановъ), Новгородъ (г-жа Руднева), Новочеркасскъ, Ростовъ-на-Дону и Таганрогъ (г. Крыловъ), Одесса (г-жа Лубковская, до поста), Омскъ (г. Долинъ), Орелъ (г. Крамолловъ), Оренбургъ (г-жа Малиновская), Пенза (г. Олигинъ), Пермь (г. Строевъ до Рождества), Рига (г. Незлобинъ), Рыбинскъ (г. Онъгинъ), Самара (г. Линтваревъ), Симбирскъ (г. Неволинъ), Симферополь (товарищество), Смоленскъ (дирекція), Тамбовъ (г. Инсаровъ-Далматовскій), Тифлисъ (г. Кручининъ, въ театрѣ артистическаго Общества), Тула (г-жа Зарайская), Уральскъ (г. Когарскій), Харьковъ (г. Линтваревъ, въ городскомъ театрѣ), Харбинъ (г. Арнольдъ), Херсонъ (г. Строителевъ), Черниговъ (г. Павловъ) и Ярославль (г. Медвѣдевъ).

Лѣтній сезонъ 1905 г. Архангельскъ (г. Струйскій), Екатеринодаръ (г. Крыловъ, май и июнь), Житомиръ (г. Поляковъ), Кавказскія минеральныя воды (товарищество), Могилевъ (г. Долгинъ), Новороссійскъ (г. Дубецкій), Орелъ (г. Крамолловъ), Пенза (попечительство), Смоленскъ (г. Васмановъ), Старая-Русса (г. Незлобинъ), Сызрань (г. Кручининъ), Ташкентъ (г-жа Малиновская), Уфа (г. Струйскій) и Царицынъ (г. Медвѣдевъ).

ОПЕРА. Зимній сезонъ 1905—6 г.г. Архангельскъ (оперное товарищество), Екатеринбургъ (гг. Строевъ и г. Федоровъ, до Рождества), Киевъ (г. Бородай), Одесса (г-жа Лубковская), Пермь (г. Федоровъ, съ Рождества), Саратовъ (формир. труппу мѣстный пр. пов. г. Мандельштамъ), Тифлисъ (г. Донской), Харьковъ (г-жа Карамзина-Жуковская).

Лѣтній сезонъ. Кисловодскъ (г. Фортатти).

ОПЕРЕТКА. Лѣтній сезонъ 1905 г. Екатеринодаръ (г. Шульцъ, июль и августъ), Кавказскія минеральныя воды (г. Борченко, первая половина лѣта), Харбинъ (г. Манько), Челябинскъ (съ Пасхи на 3 мѣсяца, оперетка изъ Екатеринбургъ).

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

Одесса. Шансонетная пѣвица-танцовщица Лилия Пташникова предъвила искъ къ дирекціи театра Варіетте „Яръ“ въ лицѣ А. Германа и И. Кочубинскаго объ уплатѣ 267 руб. Г-жа Пташникова поступила въ „Яръ“ въ качествѣ испанской танцовщицы на жалованье 600 руб. въ мѣсяцъ. Согласно договору плата должна была производиться впередъ за каждую недѣлю. Между тѣмъ, по словамъ г-жи Пташниковой, гг. Германъ и Кочубинскій не уплатили денегъ.

Одесса. У мирового судьи разсматривалось дѣло по иску С. Скорохода къ петербургской мѣщ. Маріи Чистяковой о взысканіи 70 руб. убытковъ. Изъ представленнаго къ дѣлу контракта видно, что Скороходъ ангажировалъ Чистякову въ театрѣ-кафешантанъ „Палермо“ въ Ростовъ, на амплу русской пѣвицы. Всѣ расходы на проѣздъ Чистяковой въ Ростовъ и перевозку туда ея костюмовъ г. Скороходъ принялъ на себя. На первомъ дебютѣ г-жа Чистякова вышла на сцену въ пѣльномъ видѣ и, исполняя свой №, свалилась съ ногъ. Посѣтители „Палермо“ устроили въ виду этого скандалъ и потребовали удаленія Чистяковой со сцены. Въ результатѣ Чистякова должна была немедленно оставить Ростовъ. Мировой судья г. Березовскій, допросивъ свидѣтелей, присудилъ въ пользу Скорохода 58 руб. 50 коп. Г. Скороходу предоставлено право наложить арестъ на костюмы Чистяковой.

Ростовъ. Въ саду Ново-поселенскаго театра съ Пасхальной недѣли ежедневно демонстрируется электро-биографъ Штремера.

Харьковъ. 21-го апрѣля открылся салъ „Тиволи“. Дирекція г-на Швамъ. Режиссеромъ-распорядителемъ приглашенъ разсказчикъ-кулетистъ г-нъ Сарматовъ.

Вильна. 20-го апрѣля открывается лѣтній театръ Ботаническаго сада. Дирекція И. А. Шумана. Устраивается чемпионатъ борьбы. Для турнира приглашены слѣдующіе борцы: гг. Цурихъ, Цыганенко-Зышко, Циклонъ-Беньковскій, Абергъ Михайловичъ, Ж. Лурихъ, Камбуль и Розенталь. На сценѣ подвизается постоянная драматическая труппа подъ режиссерствомъ М. И. Маевского.

Репертуаръ Спб. Императорскихъ театровъ.

съ 25-го апрѣля по 2-е мая.

Александринскій театръ. 25-10: „Жаннина“. 26-10: Бенефисъ вторыхъ артистовъ. Въ день 100 лѣтня смерти Фр. Шиллера. „Коварство и любовь“. 27-10: „Зима“. 28-10: „Правда хорошо, а счастье лучше“. 29-10: „Крылья связаны“. 1-10: Въ пользу вторыхъ режиссеровъ и суфлеровъ. Въ 1-й разъ: „Отставка и назначеніе“, сд. Д. В. Григоровича. Въ 1-й разъ: „Погоня за счастьемъ“, сд. М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина).

Маринскій. 25-10: Дебютъ г-жи Петренко и г-на Лебедева. „Самсонъ и Далила“. 26-10: Дебютъ г-жи Пасхаловой. „Лакмъ“. 27-10: „Жемчужина“, бал. „Фея куколъ“, бал. 3-е д. бал. „Пахита“. 28-10: Дебютъ г-жи Кузнецовой-Бенуа и г-на Ермакова. „Евгеній Онъгинъ“. 29-10: „Русланъ и Людмила“. „Страделла“, оп. Флотова.

